

ЕКАТЕРИНА ВЕЛИКАЯ.

ОТНОШЕНІЕ КЪ ПОЛЬШѢ.

По неизданнымъ Запискамъ короля Станислава-Августа.

I.

Литовскій стольникъ, избранный единогласно 7 Сентября 1764 въ короли Польскіе, выслушалъ въ тотъ же день привѣтствія примаса, архіепископа Гнѣзненскаго графа Лубенскаго, прибывшаго къ нему съ извѣщеніемъ о волѣ народной. Отвѣчая ему, новый король произвелъ на всѣхъ самое благопріятное впечатлѣніе. Во многихъ до выборовъ сложилось убѣжденіе, что онъ гордъ, горячъ и взыскателенъ; но когда увидѣли, что онъ, непосредственно послѣ выборовъ, держался со всѣми безъ высокоумія, то нашли его добрее и менѣе гордымъ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ пересталъ быть частнымъ лицомъ. Съ этого времени его Записки ведутся въ третьемъ лицѣ, и въ нихъ говорится *), что король вовсе не измѣнился, но измѣнилось положеніе тѣхъ, которые окружали его. Пока они были ему равными, они усматривали въ немъ какое-то притязаніе на первенство; когда же возвысили его надъ собою, то сами удивились, что онъ не сталъ ни высокоумнѣе, ни требовательнѣе того, какимъ онъ былъ, когда считался равнымъ съ ними. Дядя его, Русскій воевода князь Августъ Чарторыйскій не могъ однако переварить, что его племянникъ какъ-бы похитилъ у него корону; но, подъ вліяніемъ дѣйствительности, онъ не могъ не сказать вечеромъ, въ день выборовъ, своей дочери княгинѣ Любомирской: „Сегодня Богъ какъ-будто ниспослалъ ему совершенно-особаго ангела-

*) Рукопись, IV, стр. 10.

хранителя, такъ какъ онъ не сказалъ ни одного лишняго слова и не сдѣлалъ ни одного лишняго шага противъ того, что ему слѣдовало⁴. Но за то на слѣдующій день, 8 Сентября, когда у короля былъ первый пріемъ во дворцѣ и когда всѣ признали, что король держался съ достоинствомъ, князь Августъ, въ томъ-же пріемномъ залѣ, загналъ въ уголь своего сына*) и, прижавъ ему руки къ груди, сказалъ: „Ну что, дуракъ, ты не хотѣлъ короны, когда могъ ее получить; ты видишь, какъ она идетъ твоему двоюродному братцу; тебѣ ея не получить теперь“.

13 Сентября въ Варшавскомъ соборѣ св. Іоанна король присягнулъ въ вѣрномъ соблюденіи условій, поставленныхъ ему при избраніи (*pacta conventa*) и на рѣчь, ему сказанную маршаломъ Сосновскимъ, долженъ былъ, сверхъ ожиданія, немедленно отвѣчать. Онъ сказалъ въ ней, что не думалъ говорить въ этотъ день, но подчинился волѣ собранія, такъ какъ маршалъ выразился: „государь, молви намъ слово“. Выказавъ свое смущеніе, которое охватило его, когда ему пришлось приносить клятву и свою признательность примасу за мудрое управленіе страной во время безкоролевья, а маршалу Сосновскому за безпристрастное веденіе сейма, заслужившее общее довѣріе, онъ призвалъ всѣхъ къ единенію на пользу отчизны, обратился къ Всемогущему съ мольбой довершить дѣло внушеніемъ всей націи любви къ общему благу, которою преисполнена его душа.

Уже 70 лѣтъ, какъ Поляки не слышали, чтобъ король обращался къ нимъ съ рѣчью на ихъ языкѣ; а такъ какъ Станиславъ-Августъ самъ лично отвѣчалъ на всѣ привѣтствія, сказанныя ему депутатами отъ разныхъ областей республики, то такое обращеніе произвело на всѣхъ очень благопріятное впечатлѣніе.

Единственные счастливые дни его царствованія, по словамъ Станислава-Августа, протекли въ промежутокъ времени между его избраніемъ и коронаціоннымъ сеймомъ, наступившимъ 3 Декабря 1764 г. Въ теченіе этого сейма обнаружилась рознь между близкими короля, какъ-то его старшимъ братомъ Казимиромъ Понятовскимъ, закадычнымъ его другомъ, которому онъ во многомъ былъ обязанъ, Ксаверіемъ Браницкимъ и его дядями князьями Чарторыйскими, которые ненавидѣли тогò и другого, но къ которымъ король питалъ родственныя чувства. Къ этимъ распрямъ присоединилось личное сожалѣніе Станислава-Августа о томъ злѣ, которое онъ причинилъ графу Фридриху Алоизію

*) Князь Адамъ Чарторыйскій, отецъ того, который впоследствии такъ обольщалъ Александра Павловича. П. Б.

Брюлю, лишившемуся своихъ должностейъ вслѣдствіе протеста Литовскаго стольника на сеймъ 1762 противъ правъ гражданства Брюля въ республикѣ. На конвокаціонномъ сеймѣ генераль артиллеріи гр. Фридрихъ Алоизій Брюль и его братъ, коронный чашникъ гр. Карлъ, были признаны не принадлежавшими къ Польской шляхтѣ и лишились своихъ должностей и средствъ, которыми ихъ пожаловалъ Августъ III-й. Станиславъ-Августъ желалъ загладить свое выступленіе въ 1762 г. противъ Фридриха Брюля, женатаго на дочери Кіевскаго воеводы Соѳрія Потоцкаго. Это возбудило негодованіе дяди короля, Русскаго воеводы князя Августа Чарторыйскаго, который ненавидѣлъ Потоцкаго и Брюля.

Безъ сомнѣнія въ этихъ распряхъ замѣшались женщины, родственницы короля, который во всю свою жизнь находился подъ вліяніемъ женской красоты. Ближе всѣхъ находилась къ нему его двоюродная сестра, дочь Русскаго воеводы, княгиня Изабелла Любомирская, которая, вслѣдствіе дружескихъ своихъ отношеній къ Станиславу-Августу, возникшихъ еще съ дѣтства, имѣла ежедневный къ нему доступъ. Это была завистливая женщина, которая преслѣдовала особой ненавистью свою невѣстку княгиню Изабеллу Чарторыйскую, рожденную Флеммингъ и невѣстку Станислава-Августа, жену брата его Андрея, рожденную графиню Кинскую. Любомирская, ревниво оберегая выгоды своего отца, который ничего не скрывалъ отъ нея, смотрѣла на Изабеллу Чарторыйскую и на Понятовскую Кинскую, какъ на виновницъ сближенія короля съ Брюлемъ и Потоцкими, заклятыми врагами Русскаго воеводы.

Еще во время безкоролевья Русскій посоль гр. Кейзерлингъ, знавшій Станислава-Августа съ дѣтства и въ виду этого обращавшійся съ нимъ по отечески, взялъ съ него слово, что, когда онъ вступитъ на престолъ, то постарается утѣшить обиженнаго Фридриха Брюля *). По этому Станиславъ-Августъ, желая начать свое царствованіе милостями и примирить всѣ вражды, охотно обѣщалъ гр. Потоцкому, явившемуся къ нему до открытія коронаціоннаго сейма, а именно 4 Декабря, со всѣми своими родственниками просить за своего зятя Фридриха Брюля, устроить, чтобы ему и его брату были дарованы королемъ права индигената и частью возвращены милости, которыми они пользовались при Августѣ III-мъ.

Станиславъ-Августъ желалъ осуществить это обѣщаніе, особенно въ память матери графовъ Брюль, относившейся къ нему въ его

*) Рукопись, IV, стр. 21.

юности съ сердечною добротою. Но Русскій воевода не могъ примириться съ доводами своего племянника. Ему казалось, что король искалъ сторонниковъ въ домѣ Потоцкихъ, чтобъ противопоставить ихъ партіи Чарторыйскихъ. За Русскимъ воеводой пошли противъ Станислава-Августа его братъ Литовскій великій канцлеръ князь Михаилъ, его дочь княгиня Любомирская съ мужемъ княземъ-стражникомъ Станиславомъ.

Уже на коронаціонномъ сеймѣ оба дяди короля устранились отъ дѣятельнаго участія въ дѣлахъ, какъ будто хотѣли посмотрѣть, какъ король справится безъ нихъ. Станиславъ-Августъ жалуется въ своихъ Запискахъ на своего дядю кн. Августа, который относился къ нему не безъ коварства. Прежде Русскій воевода для себя всегда искалъ покровительства и милостей Россіи, напротивъ теперь же старался разными способами и внушеніями помѣшать искреннему сближенію короля съ Россіей, что предотвратило бы всѣ невзгоды его царствованія*).

Не смотря на недоброжелательное отношеніе Русскаго воеводы, Станиславъ-Августъ сохранилъ къ обоимъ своимъ дядямъ большое почитеніе. Онъ объясняетъ это тѣмъ, что въ теченіе десяти лѣтъ, до избранія его королемъ, они обращались съ нимъ столь-же ласково какъ съ своими родными дѣтьми и едва-ли не ласковѣе; они, пользуясь имъ какъ посредникомъ во всѣхъ довѣрительныхъ своихъ дѣлахъ, тѣмъ болѣе придали ему значенія въ странѣ. Изъ благодарности онъ чувствовалъ къ нимъ почти сыновнюю преданность, которую никогда не могъ совершенно упразднить въ своемъ сердцѣ. Станиславъ-Августъ хотѣлъ избѣгнуть того, чтобы говорили, будто онъ оказывалъ предпочтеніе молодымъ совѣтникамъ передъ тѣми, которые уже тридцать лѣтъ какъ считались столбами государства и отцами народа. Наконецъ, заставъ при своемъ вступленіи на престолъ Польшу раздѣленною между двумя партіями (одною, состоявшею изъ приверженцевъ его славы, а другою, изъ ея противниковъ) онъ опасался потерять, возстановивъ противъ себя родственниковъ, опору своей собственной партіи, прежде чѣмъ онъ бы успѣлъ расположить къ себѣ ея противниковъ. Вотъ почему король поступался часто, въ продолженіе еще многихъ лѣтъ, своимъ собственнымъ мнѣніемъ въ угоду своихъ дядей. Русскій воевода такъ отлично сознавалъ это расположеніе своего племянника, что долго имъ безпощадно пользовался въ поблажку своего самолюбія. Онъ имѣлъ надъ своимъ братомъ власть едва-ли не сверхчеловѣческую. Князь Михаилъ былъ очень высокаго мнѣнія о самомъ себѣ, охотно

*) Записки, IV, стр. 28.

расточая себѣ самыя громкія похвалы передъ тѣми, которымъ онъ напыщенно развивалъ свои взгляды, особенно въ политикѣ; при этомъ онъ не щадилъ даже своего брата, которому онъ ставилъ въ упрекъ его лѣнь и другіе недостатки. Но, какъ скоро появлялся сей послѣдній, ему стоило одного слова цоричанія, часто и одного взгляда, чтобъ заставить замолчать старшаго его брата, который затѣмъ соглашался съ его мнѣніемъ и дѣйствіями. Подъ этимъ вліяніемъ у князя Михаила исчезла со временемъ та искренняя привязанность, которую онъ питалъ къ Станиславу-Августу, чему способствовало вниманіе, которое сталъ къ нему оказывать зять Русскаго воеводы князь Любомирскій, ухаживая за нимъ, лаская и забавляя его, чего король уже не могъ дѣлать.

Князь Станиславъ Любомирскій былъ женатъ на дочери Русскаго воеводы Изабеллѣ, другѣ дѣтства Станислава-Августа, неоднократно увѣрявшаго въ своихъ Запискахъ, что кромѣ нѣжно-дружескихъ чувствъ между нимъ и кузиной иныхъ отношеній никогда не существовало. Княгиня Изабелла вступила, противъ своей воли, въ бракъ съ Любомирскимъ, который уже много лѣтъ питалъ къ стольнику Понятовскому тайную зависть, во первыхъ потому, что его тесть, пока нуждался въ стольникѣ, предпочиталъ пользоваться скорѣе его услугами, чѣмъ содѣйствіемъ своего зятя; а во вторыхъ въ виду того, что его жена относилась съ бѣльшимъ довѣріемъ и большею дружбою къ Понятовскому, чѣмъ къ своему мужу.

Раздѣлъ должностей и староствъ, принадлежавшихъ сыновьямъ гр. Брюля, посѣялъ раздоръ между родственниками и близкими короля. Хотя два старшихъ сына Брюля получили отъ коронаціоннаго сейма право гражданства въ Польшѣ, но король имъ возвратилъ только часть тѣхъ льготъ, которыя были дарованы имъ Августомъ III. Ципское староство, принадлежавшее прежде гр. Карлу Брюлю и приносившее ему 16000 дукатовъ, очень желалъ получить кн. Любомирскій; но король его пожаловалъ своему брату Казимиру. Любомирскій былъ этимъ очень обиженъ и въ тайнѣ готовился стать во главѣ оппозиціи по смерти своего тестя.

Старшій братъ Брюль, гр. Фридрихъ-Алоизій, былъ при Августѣ III-мъ короннымъ чапникомъ и начальникомъ артиллеріи. Хотя король обѣщалъ эту послѣднюю должность своему другу Ксаверію Браницкому, но сей послѣдній, зная, что Станиславъ-Августъ желалъ ее оставить за Брюлемъ изъ чувства состраданія къ нему, добровольно отказался отъ нея и объявилъ королю, что удовольствуется должностью

короннаго чашника, чѣмъ заслужилъ отъ короля похвалу за благородство. Начальникомъ коренной артиллеріи остался графъ Брюль, который, по свидѣтельству Записокъ, былъ въ этой части свѣдущимъ и сдѣлалъ въ ней большія преобразованія. Такія распоряженія короля возбудили много толковъ; ихъ приписывали ходатайству за Брюля княгини Изабеллы Чарторыйской, жены князя Адама, двоюроднаго брата Станиславу-Августу, который говоритъ въ своихъ Запискахъ, что кн. Адамъ женился въ 1761 г. по приказанію Русскаго воеводы противъ желанія своего и своей сестры княгини Любомирской, возненавидѣвшей съ того времени невѣстку. Станиславу-Августу нерѣдко приходилось мирить ихъ вслѣдствіе того, что Изабелла въ семейныхъ ссорахъ прибѣгала постоянно къ его заступничеству, и ея мужъ, по наущенію одной дамы, сталъ ревновать свою жену къ королю. Онъ явился къ нему и спросилъ, не по ходатайству ли его жены Брюль получилъ должность начальника артиллеріи. Король ему отвѣчалъ, что княгиня Чарторыйская ни разу не заикалась въ разговорѣ съ нимъ о Брюлѣ. Слѣдовало на этомъ прекратить объясненія, но король въ порывѣ откровенности прибавилъ: „я знаю, что вамъ внушаютъ различные поводы ревности по отношенію къ Брюлю; но вы знаете, сколько разъ вы сами прибѣгали къ моему заступничеству за вашу жену передъ вашимъ отцомъ и сестрою, чтобы заглушить семейные раздоры, которымъ она такъ долго подвергалась. Мое неоднократное заступничество возбудило въ ней чувство благодарности, которое ее привязало ко мнѣ ближе, чѣмъ къ кому бы то ни было, хотя оно ни въ чемъ не заставило ее переступить границы ея обязанностей“. Въ объясненіе этихъ словъ Станиславъ-Августъ рассказываетъ, что когда, въ безкоролевье, княгиня Любомирская особенно сильно обижала свою невѣстку и возбуждала своего отца противъ нея, то княгиня Чарторыйская, не умѣвшая, по застѣнчивости, защищаться, прибѣгала къ помощи Понятовскаго; онъ часто ей давалъ совѣты, составлялъ для нея письма, склонялъ обѣихъ невѣстокъ къ примиренію, которое не длилось, такъ какъ антипатія княгини Любомирской къ Чарторыйской была непреодолима; привязанность же сей послѣдней къ Понятовскому все росла, такъ что разъ въ Пулавахъ онъ, войдя нечаянно въ ея комнату, засталъ ее передъ зеркаломъ камина, покрытой пудрой и рисовавшей на зеркалѣ пальцемъ начальныя буквы его имени. Увидя его, она сказала: „если бы даже вы не чувствовали наклонности ко мнѣ, вы бы должны были изъ благодарности меня немного полюбить“. Ея мужъ самъ такъ привыкъ видѣть въ королѣ лучшаго друга своей жены (ей не было еще 22 лѣтъ), что очень часто вечеромъ отвозилъ ее во дворецъ и отсылалъ въ апартаменты короля, освѣдомившись

предварительно, не находилась ли тамъ его сестра Любомирская. Если сія послѣдняя была тамъ, то онъ увозилъ жену и чрезъ часть привозилъ обратно во дворецъ, когда у короля никого не было, а самъ уѣзжалъ. Изъ этого король заключилъ, что его двоюродный братъ, который развлекался въ другомъ мѣстѣ, самъ желалъ, чтобъ его жена пріятно проводила время у него во дворцѣ.

Вышеприведенное приказаніе короля очень огорчило князя Адама, и отношенія между ними охладѣли. Къ этому присоединились сплетни другихъ дамъ, съ которыми князь былъ въ связи, и которыя наговорили много лжи на его жену. Онъ однако не успѣли произвести разрывъ между супругами: князь Адамъ во всю свою жизнь былъ искреннимъ другомъ своей жены и самымъ покладистымъ изъ мужей. Всѣ эти обстоятельства были извѣстны Русскому воеводѣ, и онъ ими пользовался для того, чтобы возбуждать нерасположеніе къ королю. Но его дочь продолжала еще въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ являться ежедневно къ королю, проводила съ нимъ на единѣ цѣлыя часы и проявляла къ нему самую заботливую нѣжность, которая, не будучи никогда любовью, сопровождалась очень часто мучительными для короля бурными порывами.

Станиславъ-Августъ признается¹⁾, что въ первые годы его царствованія женскія страсти въ его семьѣ производили распри, охватившія всѣхъ его родственниковъ и друзей. Хотя ни одна изъ этихъ дамъ не могла похвастаться тѣмъ, чтобъ она руководила дѣйствіями его или была посвящена въ его тайны, но онѣ причинили ему много горя враждою, которую возбуждали вокругъ него и которую онъ усмирять ежедневно съ большимъ трудомъ. Одна княгиня Любомирская знала толкъ въ дѣлахъ, такъ какъ ея отецъ посвящалъ ее и прибѣгалъ къ ея содѣйствію въ нихъ, хотя сама она часто увѣряла, будто бы ими не любила заниматься.

Таково было положеніе короля Станислава-Августа среди его родственниковъ, кознямъ которыхъ онъ приписываетъ охлажденіе Россіи къ себѣ. Екатерина въ письмѣ къ князю Репнину, отъ 17 Октября 1764 г., выражала удовольствіе въ виду избранія короля. Она поручала усердію князя два дѣла къ исполненію—о диссидентахъ и о границахъ. „Помните, писала она, что и въ томъ и въ другомъ заинтересована моя слава и что они въ вашихъ рукахъ“²⁾.

¹⁾ IV, стр. 46.

²⁾ Сб. Имп. ист. об. 57, стр. 33.

На коронаціонномъ сеймѣ, согласно предложенію князя Репнина, была учреждена коммиссія для разбора пограничныхъ споровъ, длившихся между Польшею и Россіею со времяъ Августа III-го. Между прочимъ споръ касался староствъ, принадлежавшихъ Литовскому канцлеру князю Михаилу Чарторыйскому. Хотя Чарторыйскіе не сочли удобнымъ противиться рѣшенію сейма, но Русскій воевода не преминулъ внушить королю, чтобъ онъ не оказывалъ особенно настойчивой поддержки этому предложенію, а относился бы къ нему холодно, такъ какъ королю надлежало, изъ приличія и по собственнымъ его выгодамъ, не обращать вниманія на притязанія иностранныхъ державъ, а Россіи въ особенности¹⁾.

Разрѣшеніе пограничныхъ споровъ замедлилось по винѣ Польскаго правительства, хотя, согласно признанію Станислава-Августа, при успѣшномъ веденіи этого дѣла могло тѣснѣе установиться сближеніе между обоими государствами²⁾. Императрица, вслѣдствіе неисполненія ея требованія, приказавъ, было, Русскимъ войскамъ очистить Польшу, пріостановила эту мѣру.

Россія вообще находила, какъ объясняетъ самъ Станиславъ-Августъ³⁾, что къ ея требованіямъ относились не столь внимательно, какъ при короляхъ Августѣ II и Августѣ III. Это охлажденіе со стороны Польши произошло вслѣдствіе совѣтовъ, данныхъ королю его дядею Русскимъ воеводой, который постоянно внушалъ ему, чтобъ онъ избѣгалъ даже подавать поводъ сближенія съ Россіею: иначе нація могла бы подумать, что ея король унижался передъ Россіею изъ благодарности за содѣйствіе къ своему избранію⁴⁾. Король, ревниво оберегая свою репутацію, поддался этимъ внушеніямъ. Пока Россія не требовала отъ него ничего несправедливаго, ни убыточнаго для Польши, слѣдовало ему, напротивъ, изъ патріотизма поддерживать и всякимъ способомъ лелѣять самыя тѣсныя сношенія съ Россіей⁵⁾.

Такъ разсуждаетъ король въ своихъ Запискахъ, и на такое единеніе съ нимъ рассчитывала Екатерина. Панинъ еще 13 Декабря 1764⁶⁾, писалъ кн. Репнину, что, когда Императрица для пользы республики, безъ всякой корысти, не жалѣла, во время безкоролевья, ни трудовъ,

1) Рукопись, IV, стр. 27.

2) Тамъ-же, стр. 36.

3) Тамъ-же.

4) Рукопись, IV, стр. 37.

5) Тамъ-же.

6) Сб. Имп. ист. общ. 57, стр. 19.

ни денегъ, чтобъ сохранить въ ней спокойствіе, то справедливость требовала, чтобъ король и республика, изъ благодарности, исполнили ея волю по возстановленію диссидентовъ (т. е. православныхъ и протестантовъ) во всѣхъ ихъ правахъ; они же, вопреки торжественнымъ трактатамъ, собственнымъ Польскимъ фундаментальнымъ законамъ, общей вольности вольнаго народа и множеству королевскихъ привилегій, невинно страдали подъ игомъ порабощенія за то только, что рождены и воспитаны въ другихъ христіанскихъ религіяхъ, а не въ католичествѣ. Князю Репнину было велѣно настоятельно требовать улучшенія состоянія диссидентовъ на предстоявшемъ коронаціонномъ сеймѣ и дать понять Польскому правительству, что, въ случаѣ упорства съ его стороны, Екатерина прикажетъ войскамъ остаться въ предѣлахъ республики. Но въ расчетахъ Станислава-Августа не было начать свое царствованіе съ улучшенія состоянія диссидентовъ. Русскій воевода ему твердилъ, что Польскому королю не подобало горячо принимать къ сердцу требованія иностранныхъ державъ, въ особенности Россіи. Время, непосредственно слѣдовавшее за его избраніемъ, ознаменовалось подъемомъ народнаго одушевленія; оно было, по признанію короля, самымъ счастливымъ временемъ его царствованія. Онъ принималъ делегатовъ отъ разныхъ областей республики, отвѣчалъ имъ лично по-польски. Его занимали преобразования; на коронаціонномъ сеймѣ думали ввести большинство голосовъ на сеймикахъ и ограничить на сеймѣ *liberum veto*; диссидентское-же дѣло король вздумалъ поставить въ зависимость отъ этихъ преобразованій. 4 (15) Ноября онъ писалъ Екатеринѣ¹⁾, что онъ, какъ и Императрица, желалъ, чтобъ Польша была свободна, а съ этой цѣлью онъ хотѣлъ ее спасти изъ бездны безпорядка, который въ ней царствовалъ. Единственное средство для этого—сеймовыя преобразования. Король поручилъ Францу Ржевускому, находившемуся тогда въ Петербургъ, объяснить Императрицѣ, въ чемъ они заключались. Такъ какъ судьба диссидентовъ сильно занимала Императрицу, то это заставляло короля дѣйствовать въ ихъ пользу передъ католическою націею, слишкомъ ревнивой относительно извѣстныхъ преимуществъ; но для успѣха въ этомъ дѣлѣ, какъ вездѣ, нужно было болѣе порядка на сеймѣ, а это нельзя было достигнуть безъ водворенія порядка въ сеймикахъ. Тутъ замѣшанъ интересъ Императрицы. Но объясненія Ржевускаго не удовлетворили Екатерину; князю Репнину, рескриптомъ отъ 11 Ноября²⁾, велѣно довести до свѣдѣнія короля, что она не соглашалась на измѣненіе порядка рѣшеній дѣлъ на сеймахъ.

¹⁾ Гос. Архивъ, IV рз. № 173, копія письма.

²⁾ Сб. Имп. ист. об. 57, стр. 84.

Вмѣсто введенія разныхъ новшествъ въ конституціяхъ Екатерина предлагала королю стараться на будущемъ сеймѣ объ окончаніи всѣхъ не разрѣшенныхъ съ Россіею дѣлъ и о заключеніи союзнаго договора. По окончаніи коронаціоннаго сейма Станиславъ-Августъ написалъ Императрицѣ¹⁾, что она должна была видѣть самое сильное доказательство его безпредѣльнаго уваженія къ ней въ жертвѣ, которую онъ принесть ей на сеймѣ, опустивъ то, что болѣе всего лежало у него на сердцѣ, такъ какъ большинство голосовъ на сеймѣ, равнымъ образомъ уничтоженіе *liberum veto*, были предметомъ самыхъ пламенныхъ его желаній. „Вы пожелали, пишетъ король, чтобъ этого еще не было, и это не было даже предложено. Считаю себя въ правѣ думать, что образъ моихъ дѣйствій расположить ваше величество благопріятно отнестись къ дѣлу въ будущемъ. Я тѣмъ болѣе надѣюсь на это, что успѣлъ (хотя съ такимъ трудомъ, о которомъ, кто не былъ на сеймѣ, не можетъ себѣ представить) получить разрѣшеніе націи на веденіе переговоровъ съ вашимъ величествомъ, на заключеніе союза, желасмаго обѣими сторонами. Этотъ союзъ будетъ, какъ я надѣюсь, звеномъ тѣмъ болѣе крѣпкимъ, что эта связь состоитъ подъ вліяніемъ самой нѣжной привязанности и самой полной искренности, столько же какъ въ видахъ выгоды. Желаніе сдѣлать вамъ угодное и мое собственное расположеніе заставляли меня сдѣлать для диссидентовъ то, чего вы для нихъ требовали. Вашъ посоль увѣдомить васъ, какія послѣдствія въ этомъ случаѣ произвелъ законъ фанатизма. Сеймъ едва не сдѣлался ужаснымъ зрѣлищемъ. Высказывались ни болѣе, ни менѣе, какъ о разорваніи предложеннаго проекта. Ожесточеніе въ Сенатѣ дошло до того, что хотѣли принести въ жертву самого примаса, какъ онъ смѣлъ сдѣлать такое упоминаніе объ этомъ дѣлѣ, на что я съ трудомъ уговорилъ его, такъ онъ опасался этой бури. Отъ высокой справедливости вашего величества я ожидаю признанія въ томъ, что я не могъ и не долженъ былъ рисковать болѣе послѣ этого опыта“. Станиславъ-Августъ заключилъ это письмо увѣдомленіемъ о томъ, что онъ посылалъ къ Императрицѣ, для оповѣщенія о своей коронаціи, графа Малаховскаго,²⁾ короннаго референдарія, маршала бывшаго сейма, человека знатнаго по происхожденію и вполнѣ заслуженнаго.

Станиславъ-Августъ приписываетъ настойчивость Екатерины въ ея требованіяхъ о диссидентахъ вліянію Вольтера. Онъ, пишетъ король²⁾, искалъ себѣ славы въ распространеніи началъ вѣротерпимости и постоянно подстрекалъ самолюбіе Императрицы своими посланіями,

1) Письмо 13 (24) Декабря 1764, копія въ Гос. Арх. IV разр. № 173.

2) Рукопись, IV, стр. 44.

въ которыхъ дѣлалъ видъ, что на нее одну возлагалъ надежду на уничтоженіе предубѣжденій, противныхъ философскому духу. Екатерина, стремившаяся къ славѣ всякаго рода, схватилась за эту идею тѣмъ охотнѣе, что она усматривала въ ней настоящій политическій поводъ. Принимая подъ свое покровительство всѣ исповѣданія въ Польшѣ, отличныя отъ католическаго, она привлекала къ себѣ преимущественно расположеніе и благожеланія всѣхъ христіанъ не-католиковъ цѣлой Европы, а въ особенности пріобрѣтала власть надъ двумя милліонами православныхъ жителей Польши, которые въ ней видѣли не только могущественную государыню, господствовавшую въ сосѣдней имперіи, но считали ее какъ-бы главою своей церкви, находясь въ зависимости отъ нея почти такой-же, какъ отъ папы. Въ этихъ видахъ она велѣла кн. Репнину о покровительствѣ диссидентамъ въ Польшѣ и туземцамъ, просить короля, который могъ сказать только одно, что, чуждаясь по своимъ собственнымъ убѣжденіямъ всякаго преслѣдованія, онъ былъ готовъ устранить несправедливыя притѣсенія, на какія могли-бы жаловаться диссиденты. Но къ этому онъ добавилъ, что этотъ вопросъ, представлявшійся однимъ изъ самыхъ щекотливыхъ въ странѣ, исповѣдывавшей еще тогда самый строгій католицизмъ, могъ быть поднятъ только съ большою осторожностью и разсматриваться постепенно, въ теченіе значительнаго промежутка времени. Самъ кн. Репнинъ, признавъ основательность подобнаго мнѣнія, относился, за время отъ сейма 1764 до сейма 1766, очень сдержанно къ этому вопросу. Но коль скоро распространился въ странѣ слухъ о томъ, что обсуждался вопросъ о вѣротерпимости, Чарторыйскіе выступили въ роли защитниковъ вѣры. Въ этотъ двухлѣтній періодъ обнаружились самые недоброжелательные ихъ замыслы противъ короля. Они по всему краю стали разглашать, будто король поставилъ себѣ задачею ослабленіе знатныхъ родовъ, уничтоженіе *liberum veto*, уменьшеніе доходовъ духовенства, поднятіе благосостоянія третьяго сословія и крестьянъ, покровительство диссидентамъ.

Такіе слухи, распространяемые дядями короля, которымъ онъ отчасти обязанъ былъ своимъ воспитаніемъ, принесли королю большой вредъ въ странѣ, преисполненной еще всякихъ древнихъ предразсудковъ, превратныхъ понятій, въ области вѣры и свободы. Мало было людей, которые, зная близко короля, усомнились бы въ томъ, на сколько вѣрны заключенія его дядей объ истинныхъ его намѣреніяхъ; столь-же мало было такихъ, которые понимали, что его дяди распространили эти слухи изъ одной злобы къ нему. Однако подобныя дѣйствія Чарторыйскихъ или, скорѣе, одного Русскаго воеводы, который

управляял остальными, объяснялись единственно досадою, что корона не досталась ему, и опасеніемъ того, что, вслѣдствіе общаго сочувствія, которое король пріобрѣлъ въ первый мѣсяць своего царствованія и которое росло съ каждымъ днемъ, они не потеряли бы вѣса въ странѣ и не стали бы ненужными самому королю. Долго король не хотѣлъ вѣрить дошедшимъ до него слухамъ о коварныхъ замыслахъ своихъ дядей и о томъ, что они учили его въ странѣ въ вышеуказанныхъ стремленіяхъ, необходимость и важность которыхъ они сами же столько разъ внушали въ то время, когда они смотрѣли на него, только какъ на своего ученика, а не какъ на своего соперника. Русскій воевода, наканунѣ избранія, еще самъ совѣтовалъ королю не давать знатымъ родамъ возвышаться.

Таковы были внутреннія затрудненія, встрѣченныя королемъ въ первый годъ его царствованія. Россія и Пруссія открыли ему путь къ престолу; Австрія и Франція продолжали не признавать его избранія. Въ Запискахъ его *) упоминается, будто-бы Екатерина, разгнѣванная тѣмъ, что Австрія уклонилась отъ такого признанія, потребовала отъ Пруссаго короля, чтобъ онъ, совмѣстно съ нею, силою понудилъ Марію-Терезію признать Польскимъ королемъ того, избранію котораго они оба содѣйствовали. Но Фридрихъ съ трудомъ уговорилъ Екатерину отъ такого шага, вслѣдствіе чего начались долгіе переговоры съ Австріею. Фридрихъ, избѣгнувъ войны, придумалъ способъ, чтобъ возстановить Екатерину противъ Австріи. Онъ увѣрилъ Императрицу, что, по его свѣдѣніямъ, Польскій король ведетъ переговоры съ Австріей не только о своемъ признаніи, но о бракѣ съ эрцгерцогиней Елисаветой. Онъ основывался на нѣкоторыхъ ребяческихъ словахъ, сказанныхъ этой принцессой; эта сплетня ходила въ обществѣ, но Польскій король не былъ къ ней причастенъ, такъ какъ онъ не далъ къ тому никакого повода ни своими поступками, ни порученіемъ, возложеннымъ на кого бы то ни было. Этотъ ложный слухъ, переданный Императрицѣ, ее уязвилъ въ сильной степени.

„Неизвѣстно, пишетъ Станиславъ-Августъ, воздѣйствовала ли на нее одна политическая зависть, или-же другая какая причина; но она повѣрила этой сплетнѣ и почувствовала такое негодованіе противъ короля, что въ теченіе семи мѣсяцевъ не хотѣла даже отвѣчать ни на одно изъ его писемъ, вмѣнивъ ему въ вину, что онъ искалъ безъ ея посредства заключенія новыхъ связей“.

*) Рукопись, IV, стр. 43.

Въ то же время Станиславъ-Августъ возбудилъ негодованіе Прускаго короля тѣмъ, что, по предложенію Чарторыйскихъ, на конвокаціонномъ сеймѣ была учреждена таможня на Прусской границѣ. Въ возмездіе за это Фридрихъ обложилъ высокимъ налогомъ Польскія суда, спускавшіяся по Вислѣ въ Прусскіе предѣлы. Екатеринѣ пришлось уладить споръ между сосѣдями, при чемъ въ письмѣ отъ 13 Мая 1765¹⁾ она внушала своему ставленнику, что ему слѣдовало руководствоваться болѣе разсудкомъ, чѣмъ чувствами и что въ означенномъ спорѣ Польское правительство было неправо, такъ какъ оно учредило таможню, не предваривъ о томъ Прусское. И въ этомъ дѣлѣ съ Прусскимъ королемъ Русскій воевода навредилъ своими совѣтами Станиславу-Августу. Изъ зависти князь Августъ не упустилъ ни одного случая, даже самаго малаго, чтобы уколоть своего племянника и сдѣлать ему непріятность. Король рассказываетъ въ своихъ Запискахъ²⁾, какъ Русскій воевода старался поссорить его съ г-жею Жофренъ, пріѣзжавшей погостить въ Варшавѣ у своего сына, какъ она называла Станислава-Августа. Извѣстно, что онъ, будучи въ Парижѣ въ 1753 году, еще молодымъ человѣкомъ, удостоился очень радушнаго пріема въ гостиную у г-жи Жофренъ³⁾, которая взяла его подъ свое покровительство и ввела въ Парижское общество. Съ того времени Понятовскій былъ въ постоянной перепискѣ съ нею, и она вызвалась его посѣтить въ Варшавѣ. Она выѣхала изъ Парижа въ концѣ Іюня 1766 г. въ сопровожденіи камергера Лойко, который былъ присланъ ко двору Людовика XV въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ Станислава-Августа для оповѣщенія о вступленіи его на Польскій престолъ. Г-жа Жофренъ ѣхала черезъ Вѣну, куда былъ присланъ къ ней на встрѣчу Станиславомъ-Августомъ капитанъ Башонъ, который ее проводилъ до Варшавы⁴⁾.

Извѣстность г-жи Жофренъ, пишетъ Станиславъ-Августъ, въ Парижскомъ обществѣ столь прославила ее, что не только знаменитости Французской литературы, Вольтеръ, Монтескье, не только самыя замѣчательныя иностранцы всѣхъ народовъ Европы, считали для себя честью быть принятыми въ ея домѣ и переписываться съ нею, но Русская Императрица собственноручно писала ей нѣсколько разъ очень

¹⁾ Сб. имп. ист. об. 57, стр. 257.

²⁾ Рукопись, IV, стр. 86.

³⁾ Марія Родэ, по мужу Жофренъ (1690—1777) собирала у себя знаменитыхъ людей Франціи и чужихъ краевъ.

⁴⁾ De Mouy, Correspondance inédite du roi Stanislas-Auguste Poniatovski et de m-me Geoffrin, p. 75.

милостиво и даже съ нѣкоторою фамильярностью. Сама Марія-Терезія приняла ее съ отличіемъ и приласкала въ проѣздъ ея черезъ Вѣну. Уже то, что такая особа, которой было за 60 лѣтъ отъ роду, предприняла столь отдаленное путешествіе исключительно изъ привязанности къ королю, показалось слишкомъ лестнымъ для него событіемъ, чтобы не возбудить всей зависти Русскаго воеводы, и, благодаря ему, это небывалое посѣщеніе сдѣлалось для короля причиной многихъ неприятностей. Такъ какъ у Русскаго воеводы была въ высшей мѣрѣ способность угадывать слабую сторону каждаго, онъ сталъ утверждать, что г-жа Жофренъ, обладавшая большимъ умомъ и многими другими очень почтенными качествами, имѣла скорѣе претензію, чѣмъ право на высшій вкусъ по части искусствъ. Ея дочь*), впрочемъ, предупредила ее, сообщивъ, что она слыхала по этому поводу отъ самихъ Парижскихъ художниковъ. Прежде чѣмъ возбудить п-ше Жофренъ противъ короля, задѣвъ ее за живое и за самое чувствительное мѣсто, Русскій воевода сталъ сперва воскуривать ей оиміамъ, но съ большою ловкостью и, какъ слѣдовало, ухаживая за женщиной столь-же ловкой какъ и тщеславной. Онъ первоначально держался съ нею дружескаго, благодушнаго тона, затѣмъ мало по-малу сталъ жалѣть короля, какъ внимающаго дурнымъ совѣтамъ; онъ даже дошелъ до того, что осуждалъ его жестоко. Но, увидавъ, что это еще не было достаточнымъ для того, чтобы возбудить нерасположеніе г-жи Жофренъ, онъ, какъ будто случайно и не придавая тому значенія, вымолвилъ: „у самого короля мало вкуса, и онъ позволяетъ себѣ оспаривать его у другихъ, и даже говорить о васъ, что вы его не имѣете“. Этотъ ударъ попалъ въ цѣль. Нѣкоторое время г-жа Жофренъ старалась скрыть, насколько ея самолюбіе было оскорблено; но король, вмѣсто того, чтобы наслаждаться прелестью ея общества, подвергся порывамъ ея дурнаго расположенія до такой степени, что едва не былъ вынужденъ желать ея скорѣйшаго отъѣзда. Когда наконецъ она не выдержала, король отъ нея самой узналъ причину ея недовольствія. Не безъ особаго труда ему удалось залѣчить эту рану, которая много разъ раскрывалась въ теченіе двухмѣсячнаго пребыванія г-жи Жофренъ въ Варшавѣ. Она часто возобновляла изліянія самой крайней нѣжности къ королю, но за ними столь-же часто слѣдовали самыя шумныя сцены, которыя иногда доходили до того, что дѣлались смѣшными. Въ концѣ концовъ это посѣщеніе, обѣщавшее королю столько удовольствія, стало для него причиной постоянныхъ дразгъ, которыя онъ, безъ сомнѣнія, могъ-бы прекратить однимъ словомъ; но онъ не желалъ вымолвить этого слова

*) Маркиза де-ла Ферте-Элибо (1715—1791).

по отношенію къ особѣ, которая въ теченіе столь многихъ лѣтъ оказывала ему несомнѣнныя доказательства дружбы. Конечно ея нравъ былъ настолько порывистъ, и она такъ мало способна была владѣть своимъ языкомъ въ минуты гнѣва, что дѣйствительно могло нанести вредъ королю среди иностраннаго общества, еслибы она, по возвращеніи во Францію, распространила толки, хотя-бы и неосновательныя, о неблагодарности короля и о дурномъ приѣмѣ, оказанномъ ей. Необходимо было королю перенести все это какъ можно терпѣливѣе; а его дядя, за это время, наслаждался всѣми тѣми непріятностями, которыя онъ причинилъ ему. Г-жа Жофренъ, подъ конецъ, поняла въ чемъ дѣло, и, прощаясь съ королемъ, сказала ему: „Вашъ дядя не проститъ никогда вамъ, что вы сдѣлались королемъ вмѣсто него, и онъ дастъ вамъ это почувствовать всякимъ способомъ, какой будетъ въ его распоряженіи, какъ въ мелочахъ, такъ и въ дѣлахъ важныхъ“. 13 Сентября 1766 г. Жофренъ выѣхала изъ Варшавы въ Парижъ.

II.

Въ Петербургѣ знали о слабости короля и о томъ, что онъ находился подъ влияніемъ своихъ дядей, которые весьма мало помышляли объ удовлетвореніи разныхъ требованій, а старались только удержать короля въ своей власти, чтобъ располагать дѣлами по своимъ мыслямъ и къ своей выгодѣ¹⁾. По мнѣнію графа Панина, новый государь, кромѣ зачинавшихся женскихъ сплетенъ при его дворѣ и соперничества Чарторыйскихъ изъ за господствованія, принимается болѣе горячо, нежели прозорливо за свои дѣла, почему надлежало опасаться, чтобъ такимъ образомъ, примѣривая все къ внутреннему Польскому аршину, онъ не нажилъ себѣ такихъ хлопотъ, которыя могутъ привести къ разстройству весь сѣверный аккордъ и его посадить между двухъ стульевъ²⁾. Позднѣе гр. Панинъ писалъ, сожалѣя о неразумности короля, что онъ себя окружилъ двухъ видовъ друзьями и совѣтниками, изъ которыхъ одни коварно старались его содержать въ персональныхъ замѣшательствахъ съ дворами, дѣйствительно въ его вызвышеніи участіе имѣвшими, чѣмъ отнимая у него способы имѣть инфлюэнцію въ своей собственной націи, хотѣли болѣе въ ней сами усилиться и дѣлать его отъ нихъ болѣе-же зависимымъ. Другіе-же, не дѣйствуя столь лукаво, равно вредны его Польскому величеству, когда они по одной только

¹⁾ Письмо гр. Панина кн. Рейнину 5 Апрѣля 1760. Сб. Имп. ист. об., 57, стр. 500.

²⁾ Письмо гр. Панина кн. Рейнину 12 Февраля 1765, тамъ-же стр. 179.

привычкѣ къ предубѣжденіямъ и къ своей персональной преданности, хотѣли насильствовать всѣ политическія правила и резоны настоящаго положенія своего короля съ общимъ сопряженіемъ всей сѣверной системы и влекли его въ узы мнимой дружбы съ такими державами (Австріей и Франціей), которыя никогда ни имѣли сожалѣнія, ни достаточной возможности имѣть не могли дѣйствительно его подкрѣплять и на-противъ того всегда готовы будутъ возбуждать всякія замѣшательства между нимъ и его сосѣдными державами¹⁾.

Станиславъ-Августъ самъ намъ указываетъ, кто были его совѣтники²⁾. Онъ говоритъ, что со дня своего избранія онъ собиралъ у себя ежедневно, въ 12 часовъ, обоихъ Чарторыйскихъ, канцлеровъ Замойскаго и Пшездѣцкаго, князя Станислава Любомирскаго, своихъ братьевъ Казимира и Михаила и Якова Огородцаго, котораго король назначилъ великимъ короннымъ государственнымъ секретаремъ; къ нимъ иногда присоединялся третій братъ короля Андрей. Въ Запискахъ имѣется описаніе всѣхъ этихъ лицъ. О дядяхъ своихъ король уже говорилъ выше; о братѣ Казимирѣ онъ ничего не упоминаетъ, объ остальныхъ пишетъ слѣдующее.

Андрей Замойскій, въ своей молодости служившій въ Саксонскихъ войскахъ, прямо былъ назначенъ Августомъ III-мъ воеводой Пноврацлавскимъ. Не проявивъ еще своихъ политическихъ взглядовъ и не примкнувъ къ какой либо партіи, онъ 26 Октября 1762 въ Сенатѣ произнесъ очень прочувственную рѣчь³⁾, которая тѣмъ болѣе доставила ему извѣстность, что ея никто не ожидалъ. Скоро онъ приобрѣлъ еще болѣшую славу своимъ справедливымъ и примѣрнымъ отправленіемъ обязанностей маршала короннаго трибунала. Своею безпорочною, честною жизнью онъ расположилъ въ пользу себя общественное мнѣніе, которое сочувственно отнеслось къ выбору короля, назначившаго Замойскаго на коронаціонномъ сеймѣ великимъ канцлеромъ. При исправленіи этой должности за нимъ осталась слава чловѣка честнаго; находили однако, что свойственная ему скромность и сдержанность были слѣдствіемъ какого-то внутренняго чувства, которое заставляло желать для него болѣе таланта и геніальности, чѣмъ онъ самъ сознавалъ въ себѣ.

Пшездѣцкій былъ удивительно ловокъ и опытенъ въ той сферѣ дѣлъ, которыми въ царствованіе Августа III-го исключительно занима-

¹⁾ Письмо 31 Января 1766 тамъ-же стр. 447.

²⁾ Рукопись, IV, стр. 69.

³⁾ Рукопись, III, стр. 150.

лись Поляки. Онъ былъ отлично свѣдуецъ въ Литовскомъ законодательствѣ и въ веденіи дѣлъ на сеймикахъ. По природѣ врагъ всякихъ опасностей, онъ сталъ еще осторожнѣе и увертливѣе, такъ что многіе сомнѣвались въ его искренности, хотя это было несправедливо. Впрочемъ веселый, забавный, очень заботившійся о своемъ состояніи, онъ слѣдилъ за побужденіями тѣхъ, которыхъ онъ считалъ наиболѣе дѣйствовавшими на умъ короля и былъ изъ благодарности особенно привязанъ къ канцлеру Чарторыйскому и маршалу Любомирскому. Сей послѣдній относился къ братьямъ короля съ особенною завистью съ тѣхъ поръ, какъ Ципское староство, котораго онъ желалъ, было пожаловано Казимиру Понятовскому. Но, по отзыву Станислава-Августа, Любомирскій исполнялъ свои обязанности маршала умно, справедливо и усердно.

Князь Михаилъ Понятовскій, самый младшій братъ короля, который посвятилъ себя духовному поприщу скорѣе изъ уваженія къ своимъ родителямъ, чѣмъ по призванію, тогда былъ только Червинскимъ аббатомъ. Онъ долго отказывался отъ всякаго повышенія въ духовномъ вѣдомствѣ столько-же изъ боязни передъ обязательствами, связанными съ такимъ повышеніемъ и изъ чувства деликатности, сколько во избѣжаніе труда, котораго онъ не любилъ, хотя не уклонялся отъ своихъ обязанностей, какъ скоро принимался за какую либо работу. Это случалось съ нимъ при управленіи имъ епархіей и въ особенности при исполненіи, въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ, почти непрерывно, обязанностей предсѣдателя воспитательной комиссіи. Онъ нажилъ себѣ много враговъ ѣдкостью своихъ замѣчаній и язвительнымъ своимъ нравомъ, которымъ не умѣлъ достаточно владѣть. Предубѣжденный противъ кого-либо, онъ въ рѣдкихъ случаяхъ перемѣнялъ свое сужденіе о немъ, но за то если онъ былъ дружески расположенъ къ человѣку, то онъ защищалъ его до ослѣпленія. Своими ѣдкими словами онъ тѣмъ сильнѣе оскорблялъ, что они имъ никогда не высказывались по легкомыслію, такъ какъ онъ былъ столь-же скрытенъ и себѣ на умѣ, сколько прочіе братья отличались излишнею откровенностью. Онъ былъ впрочемъ искренно преданъ королю, которому часто давалъ добрые совѣты; но они нерѣдко спорили, особенно, когда Станиславъ-Августъ его побуждалъ къ работѣ; онъ, напротивъ, упрекалъ короля въ излишнемъ усердіи, въ его склонности слишкомъ легко довѣряться людямъ и въ томъ, что онъ былъ щедръ не по своимъ средствамъ. Все это было причиной многихъ непріятностей, но развилось гораздо позднѣе. Въ первые годы своего королевства король заставилъ этого брата вести протоколъ ежедневныхъ конференцій, въ которыхъ онъ пытался

найти для себя прямой источник всякихъ благихъ совѣтовъ, но въ которыхъ въ дѣйствительности нашель только слѣды властнаго ума и честолюбія своихъ дядей и слишкомъ почтительное подчиненіе имъ остальныхъ лицъ, присутствовавшихъ на этихъ собраніяхъ.

Князь Андрей Понятовскій, очень прямой въ своихъ мнѣніяхъ, желалъ отъ всей души добра своему брату, но онъ почти не зналъ Польши. Будучи съ ранней молодости на Австрійской службѣ и получивъ одиннадцать ранъ въ сраженіяхъ, онъ достигъ чина фельдцейхмейстера и былъ бы фельдмаршаломъ, если бы ранняя смерть не сразила его въ возрастѣ 38 лѣтъ. Король напрасно его убѣждалъ покинуть иностранную службу и устроиться въ Польшѣ.

Станиславъ-Августъ, помня, какимъ образомъ Чарторыйскіе посвящали его въ дѣла и приучали къ нимъ въ правленіе Августа III-го, думалъ, было, такимъ же порядкомъ образованъ и приготовить своихъ братьевъ; но такъ какъ они не подчинялись въ своихъ мнѣніяхъ желаніямъ Чарторыйскихъ въ тѣхъ случаяхъ, когда, по ихъ убѣжденіямъ, сіи послѣдніе руководствовались только своими личными выгодами, то на этихъ конференціяхъ часто происходили споры, нарушавшіе внутреннее спокойствіе во дворцѣ, вредившіе дѣламъ и причинявшіе королю большое горе.

Яковъ Огородскій, воспитанный въ домѣ Чарторыйскихъ, владѣвшій всѣми языками, хорошій латинистъ, своею работою въ департаментѣ иностранныхъ дѣлъ при дворѣ Августа III-го въ Дрезденѣ, приобрѣлъ большой опытъ и постоянно занимался въ Посольской канцеляріи дѣлами короля. Онъ былъ съ королемъ въ Россіи секретаремъ миссіи. Король ему поручилъ свою личную канцелярію. О немъ можно было сказать, что онъ зналъ всю Польшу, что ему были извѣстны связи и выгоды почти всѣхъ родовъ каждаго воеводства. Его замѣчательная честность равнялась его скромности. Онъ работалъ медленно, но неутомимо и точно; при мысли о немъ вспоминалась басня о черепахѣ, которая своимъ равномернымъ шагомъ опережала подъ конецъ зайца. Своею осторожностью и предусмотрительностью онъ часто умѣрялъ ретивые порывы короля. Всегда присутствуя на ежедневныхъ конференціяхъ, онъ никогда на нихъ не говорилъ, но былъ въ состояніи выражать, дѣйствовать и излагать на письмѣ все, что было нужно для разрѣшенія даннаго вопроса въ королевствѣ и за границей. Князю Адаму Чарторыйскому было отведено мѣсто на этихъ конференціяхъ, но онъ устранился отъ нихъ, на сколько могъ, какъ потому, что этотъ родъ занятій не приходился ему по вкусу, такъ и изъ опасенія не угодить или отцу своему или королю.

Совѣтники короля, какъ писалъ Панинъ, возбуждали разныя замѣшательства между нимъ и державами, посадившими его на престолъ, а для того, чтобъ поладить съ сосѣдними державами, королю слѣдовало упорядочить положеніе диссидентовъ: „мы, писалъ Панинъ, не можемъ и не хотимъ поставлять Польскія дѣла совсѣмъ оконченными, пока не сдѣлано будетъ справедливое поправленіе состоянію тамошнихъ диссидентовъ, хотя бы то и самой военной негодіиці требовало“.

Кн. Репнину вмѣнялось въ обязанность готовить общественное мнѣніе въ Польшѣ къ необходимости возстановить всѣмъ диссидентамъ права, слѣдовавшія имъ по конституціи, такъ какъ этимъ мирнымъ способомъ доставится католической религіи характеръ господствующей вѣры безъ всякихъ насильственныхъ мѣръ и внутреннихъ потрясеній. Диссидентамъ должна была быть предоставлена полная свобода открыто отправлять ихъ богослуженія и обряды, а въ отношеніи политическихъ правъ нѣкоторыя высшія должности; Гетманскія и министерскія не могли быть ими занимаемы, и число не-католиковъ въ судахъ и законодательныхъ собраніяхъ подлежало нѣкоторому ограниченію: но, по мысли Екатерины, это неравенство могло быть допущено только на первое время для скорѣйшаго разрѣшенія вопроса, такъ какъ возстановленіе полнаго равенства признавала она цѣлью, къ которой слѣдовало стремиться къ пользѣ Россіи¹⁾.

При разрѣшеніи вопроса о диссидентахъ должно было обнаружиться намѣреніе короля искренно исполнить желаніе Императрицы по отношенію къ ея единовѣрцамъ, или-же слѣдовать совѣтамъ своихъ дядей. Въ первомъ случаѣ необходимо было ожидать разрыва его съ Чарторыйскими, а отъ Россіи ожидать поддержку; во второмъ надлежало приискать другіе способы для достиженія намѣченной цѣли. Вотъ почему гр. Панинъ писалъ кн. Репнину, что онъ долженъ воспользоваться предложеніемъ Потоцкихъ вступить съ ними въ непосредственное сношеніе и внушить имъ, что при ихъ содѣйствіи къ осуществленію желанія Императрицы она обѣщала имъ свое покровительство²⁾. Князь Репнинъ казался слишкомъ слабымъ для того, чтобы настойчиво требовать отъ короля исполненія реформы въ пользу диссидентовъ, и къ этому времени былъ присланъ ему на помощь тайный совѣтникъ Сальдернъ. Это былъ Голштинецъ, конференцъ-совѣтникъ при Петрѣ III, человѣкъ приближенный къ графу Панину, обладавшій умомъ, но фальшивый и злой.

¹⁾ Письмо 31 Января 1766, тамъ-же, 57, стр. 448.

²⁾ Письмо 5 Апрѣля 1766, тамъ-же, стр. 501.

Въ такомъ положеніи находились дѣла въ Польшѣ при наступленіи сейма, который открылся 6 Октября (25 Сентября) 1766.

„Къ этому времени, пишетъ Станиславъ-Августъ *), кн. Репнинъ получилъ неожиданное приказаніе потребовать, чтобъ всѣ Польскіе диссиденты были въ своихъ военныхъ и гражданскихъ правахъ и преимуществахъ приравнены съ католиками. Сообщая королю это приказаніе, кн. Репнинъ сознался, что онъ самъ предвидѣлъ съ огорченіемъ страшныя и гибельныя послѣдствія для Польши отъ такого неожиданнаго приказа“.

Твердая воля всегда была однимъ изъ качествъ Екатерины, а первые года ея царствованія ознаменовались немедленнымъ исполненіемъ проявленій этой воли. Прусскій король хорошо зналъ, что въ виду улучшенія положенія лютеранъ и католиковъ въ Польшѣ многіе изъ жителей его областей, желая избѣгнуть деспотическаго его управленія, готовы были перейти въ Польшу, гдѣ процвѣтала свобода; но онъ также отлично зналъ, что Поляки тогда еще не хотѣли знать вѣротерпимости, и при малѣйшей попыткѣ въ этомъ направленіи, (какъ онъ съ увѣренностью предвидѣлъ, въ особенности если она была чрезвычайна и поспѣшна) могли безошибочно произойти въ Польшѣ страшныя потрясенія, вслѣдствіе которыхъ отъ страха устремятся обратно въ его области не только диссиденты, вновь прибывшіе въ Польшу, но даже и тѣ немногіе диссиденты и особенно Нѣмцы, оставшіеся еще тогда въ Польшѣ. Кромѣ того Фридрихъ предвидѣлъ, при такомъ внутреннемъ потрясеніи Польши, еще бѣольшую развращенность Польскаго правительства, въ которой онъ усматривалъ свою наивысшую выгоду. Поэтому онъ прикинулся самымъ ревностнымъ поборникомъ предначертаній Русской императрицы въ пользу диссидентовъ.

При этихъ обстоятельствахъ королю не оставалось ничего другаго, какъ обратиться письменно къ Императрицѣ. Самъ кн. Репнинъ совѣтовалъ это, но хотѣлъ, чтобъ письмо было изложено въ такомъ видѣ, чтобъ оно не могло оскорбить ни самолюбія, ни высокомерія Императрицы. Съ другой стороны Русскій воевода внушалъ королю, что онъ уронитъ свое достоинство передъ націей, если онъ не представитъ Императрицѣ во всей ихъ силѣ всѣхъ доводовъ противъ требованій, заявленныхъ ею. Желая примирить оба мнѣнія, король набросалъ вчернѣ письмо отъ 5 Октября (24 Сентября) 1766 г. слѣдующаго содержанія.

*) Рукопись, IV, стр. 47.

Изложивъ въ своемъ посланіи, что онъ всегда избѣгалъ всего того, что могло быть неугоднымъ Императрицѣ, Станиславъ-Августъ объяснилъ, что это соображеніе помѣшало ему писать ей о диссидентахъ. Но, обращаясь къ ея дружбѣ и опасаясь своимъ молчаніемъ заслужить упрекъ въ томъ, что онъ не принялъ достаточно мѣръ къ защитѣ и успокоенію государства, онъ просилъ Екатерину выслушать его со вниманіемъ и благосклонностью. Она желала улучшенія судьбы диссидентовъ для блага самой Польши; но для этого необходимо точно опредѣлить, до какой степени предоставляемые имъ льготы соотвѣтствовали благу республики, которая по своему строю, не допускала къ самому ограниченному участию въ законодательствѣ людей, не принадлежащихъ къ господствовавшей вѣрѣ. Чѣмъ свободнѣе конституція государства, тѣмъ строже граждане, причастные къ правительству, должны съ благоговѣніемъ подчиняться требованіямъ законовъ; изъ разномыслія во взглядахъ, даже по вопросамъ вѣроисповѣданія, могли возникнуть очень опасныя столкновенія тамъ, гдѣ верховная власть, сосредоточенная въ рукахъ государя, не обладала достаточными средствами для немедленнаго пресѣченія нарушеній. Такъ въ Англіи и Голландіи, въ государствахъ свободныхъ отъ предрасудковъ, исключены отъ участія въ законодательствѣ и въ судахъ всѣ тѣ, которые не исповѣдовали реформы. Если-же имѣлся въ Германіи верховный придворный судъ, въ которомъ засѣдали католики и не-католики, то онъ былъ учрежденъ послѣ войны, продолжавшейся тридцать лѣтъ, находился не въ республикѣ, а былъ установленъ для многихъ независимыхъ владѣтелей, постоянные раздоры которыхъ служили доказательствомъ ихъ политической разрозненности. Убѣжденный въ чувствѣ справедливости Императрицы, Станиславъ-Августъ не вѣрилъ тому, чтобы она рѣшилась прибѣгнуть къ оружію, если сеймъ не допуститъ диссидентовъ къ участию въ законодательствѣ и въ судахъ. За предѣлы вѣротерпимости онъ не вступитъ, такъ какъ всякія другія льготы, предоставленныя диссидентамъ, были-бы вредны странѣ. Зная Императрицу, король не допускалъ, чтобы она рѣшилась заставить кого либо дѣйствовать во вредъ самому себѣ. Онъ не вѣрилъ, чтобы она прибѣгла къ насилію надъ Польшею.

Въ самомъ дѣлѣ, какое будетъ его положеніе въ странѣ, еслибы это случилось, такъ какъ Императрица, возведя его на престолъ, не могла желать, чтобы онъ подвергнулся проклятіямъ своихъ подданныхъ; не желала она сдѣлать его мишенью для ударовъ, направленныхъ ею-же противъ него. Между тѣмъ ему оставалось только подвергаться имъ, или измѣнить своему отечеству и своему долгу. Не избрала-бы она

его въ королѣ, еслибы признавала его способнымъ на такую измѣну. „Ударъ (заключалъ онъ) въ вашихъ рукахъ; нанесете ли вы его тому, который изъ всѣхъ людей уже давно такъ нѣжно и искренно вамъ преданъ?“.

Князь Репнинъ нашелъ это письмо слишкомъ сильнымъ. Напрасно король три раза, въ тотъ-же день, отряжалъ своего брата Андрея къ дядямъ съ поправками; Чарторыйскіе ихъ не приняли, а Русскій воевода пригрозилъ королю самымъ сильнымъ негодованіемъ націи, если онъ сдѣлаетъ какія либо измѣненія въ этомъ письмѣ.

По словамъ Станислава-Августа письмо пошло въ прежней редакціи, и съ этого времени Чарторыйскіе стали всѣми средствами противиться требованіямъ Императрицы.

Екатерина отвѣтила¹⁾, что она отлично видѣла заранѣе обдуманное намѣреніе Польскаго правительства не разрѣшать въ удовлетворительномъ смыслѣ вопроса о диссидентахъ. Она требовала возстановленія ихъ правъ, руководствуясь единственно справедливостью для личнаго спокойствія короля и благосостоянія его государства. Она ожидала отъ него, какъ отъ друга и отъ просвѣщеннаго государя, успѣшнаго разрѣшенія этого дѣла. Разбивая доводы Станислава-Августа о неудобствахъ допускать въ Польшѣ къ участию въ законодательствѣ православныхъ, она доказывала, что предки этихъ лицъ пользовались всѣми правами свободныхъ гражданъ и были лишены ихъ насильственно только изъ за того, что они не измѣнили вѣрѣ своихъ отцовъ. Она вполне сознавала затруднительность положенія короля, но полагала, что воля болѣе твердая превозмогла-бы всѣ препятствія. Ее удивляло то, что могли ограничиться дарованіемъ диссидентамъ одной терпимости. Они никогда не считали себя нетерпимыми въ Польшѣ. Какое-же приращеніе милости хотѣли имъ оказать? Стоило-ли ей придти имъ на помощь, дабы обезпечить за ними такую льготу? Екатерина закрывала глаза на дальнѣйшій ходъ дѣла и не ручалась за послѣдствія, такъ какъ она прибѣгнетъ къ оружію, если признаетъ, что примѣненіе его будетъ полезно для блага тѣхъ, которымъ она желала добра.

„Краковскій епископъ Солтыкъ, пишетъ Станиславъ Августъ²⁾, убѣдившись въ томъ, что сами Чарторыйскіе, всегда проповѣдывавшіе начала терпимости, въ ту пору стали разжигать народный фанатизмъ, захотѣлъ принять на себя роль главы католичества и 11 Октября (30 Сентября) произнесъ на сеймѣ пламенную рѣчь, въ которой пред-

¹⁾ Сб. имп. ист. об. 67, стр. 149.

²⁾ Рукопись, IV, стр. 52.

лагаль изданіе закона, каравшаго конфискаціею и безчестіемъ всякаго, кто осмѣлился-бы на какомъ-бы то ни было сеймѣ заступаться за диссидентовъ.

Эта рѣчь произвела такое сильное впечатлѣніе на всѣхъ депутатовъ сейма, что диссиденты, бывшіе на засѣданіи, ожидали одно время всякихъ жестокостей противъ нихъ. Никто не смѣлъ замолвить слово, чтобъ умирить возбужденіе толпы. Король, предвидя, что собраніе готовилось единогласно принять предложенный епископомъ законъ, самый жестокой противъ диссидентовъ, самый оскорбительный для Императрицы, а по сему самый опасный для государства, счелъ своимъ долгомъ, безъ опасенія за себя, выступить лично съ рѣчью, произнесенною имъ того-же 11 Октября.

Онъ началъ съ того, что называлъ несправедливымъ существовавшій обычай, по которому король не долженъ былъ говорить своему народу. Онъ находилъ его особенно несправедливымъ послѣ вдохновенной рѣчи Краковскаго епископа. Посему, вопреки обычаю, онъ обратился къ епископу съ благодарностью за нее и къ чинамъ королевскимъ съ увѣреніемъ, что онъ вмѣстѣ съ ними готовъ обсудить положеніе, погибнуть вмѣстѣ съ ними или совмѣстно спасти вѣру и свободу. Далѣе онъ старался отвлечь вниманіе сейма на другой предметъ, на раздачу милостей. Поводомъ къ тому послужило ему назначеніе на должность великаго короннаго маршала князя Станислава Любомирскаго, зятя Русскаго воеводы. Уснастивъ свою длинную рѣчь риторическими оборотами и напыщенными фразами, король напомнилъ о прежнихъ доблестныхъ сынахъ отечества и призвалъ всѣхъ къ единенію⁴.

Такимъ образомъ король, по его словамъ, охладилъ религіозное рвеніе собранія и занялъ его вниманіе длиннымъ церемоніаломъ, продолжавшимся около двухъ часовъ. По врученіи маршальскаго жезла Любомирскому, онъ, по этикету, пожаловалъ къ рукѣ всѣхъ сенаторовъ, которые должны были его благодарить за оказанную имъ милость. Русскій воевода тоже приблизился къ королю и, пользуясь своимъ прежнимъ положеніемъ, сказалъ ему вполголоса только одно Латинское слово: „*optime*“ (отлично). Это одобреніе показалось королю относившимся преимущественно къ ловкости, съ которой онъ успѣлъ отвести ударъ, направленный противъ диссидентовъ; но потомъ онъ убѣдился, что удовлетвореніе Чарторыйскаго происходило исключительно отъ того, что должность великаго маршала, первая въ государствѣ, представлена его зятю. Пожалованіе Любомирскаго великимъ короннымъ маршаломъ вызвало крайнее недовольство короннаго маршала графа

Юрія-Августа Мнишка¹⁾, который считалъ себя обойденнымъ. Онъ былъ женатъ на дочери графа Брюля. Будучи въ свойствѣ съ Потоцкимъ²⁾, Мнишекъ привлекъ на свою сторону всю эту вліятельную семью искони враждебную Чарторыйскимъ; а жена его возбуждала противъ короля изъ зависти, что онъ не предоставилъ ей перваго мѣста среди современныхъ красавицъ. Къ партіи Мнишка принадлежали обожатель его жены, коронный кухмистеръ графъ Віельгорскій³⁾ и его двоюродный братъ коронный подчашій Чацкій, женатый на дочери покойнаго короннаго канцлера Яна Малаховскаго, человекъ, по словамъ Станислава-Августа⁴⁾, добродѣтельный, но фанатикъ въ своихъ религіозныхъ возрѣніяхъ и ярый сторонникъ стараго политическаго строя Польши. Къ нимъ примкнули многіе другіе недовольные, которыхъ Чарторыйскіе возбуждали противъ короля. Этими самыми раздорами воспользовался Прусскій посланникъ въ Варшавѣ Бенуа. Онъ отъ имени своего государя сталъ доказывать кн. Репнину, что слѣдовало предупредить затѣи Польскаго короля въ сферѣ преобразованій. Бенуа зналъ, что завистники гр. Кейзерлинга представили Императрицѣ, что онъ, на конвокаціонномъ сеймѣ, допустилъ обойти себя, согласившись на то, чтобъ впредь всѣ финансовыя дѣла на сеймахъ разрѣшались въ судебномъ порядкѣ, т. е. по большинству голосовъ, въ нарушение *liberum veto*. Бенуа угрожалъ кн. Репнину разными придворными интригами, если онъ не пріостановитъ дальнѣйшаго распространенія въ Польшѣ порядка разрѣшенія дѣлъ на сеймѣ по большинству голосовъ, что, по выраженію Станислава-Августа⁵⁾, считалось сосѣдями Польши чѣмъ-то чудовищнымъ.

По этому поводу замѣчательна депеша кн. Репнина гр. Панину, отъ 5 Октября 1766⁶⁾. Посоль писалъ гр. Никитѣ Ивановичу, что король представилъ на сеймѣ проектъ о порядкѣ обсужденія дѣлъ казны, а именно объ установленіи новыхъ налоговъ и объ усиленіи войскъ. По означенному проекту дѣла должны были рѣшаться по большинству голосовъ, а не единогласно. Противъ такого порядка возражалъ кн. Репнинъ, доказывая, что онъ противорѣчилъ государствен-

¹⁾ Кастелянъ Краковскій (1716—1778); его жена графиня Марія-Амалия-Фредерика Брюль (1734—1772).

²⁾ Его племянница, дочь его брата Яна-Карла Мнишка, Польскаго ген.-лейтенанта и великаго ловчаго (1717—1754), Луиза, была за короннымъ великимъ гетманомъ Іосифомъ Потоцкимъ († 1756).

³⁾ Женатъ на Елисаветѣ Огинской († 1794).

⁴⁾ Рукопись, IV, стр. 58.

⁵⁾ Рукопись, IV, стр. 59.

⁶⁾ Сб. имп. истор. об. 67, стр. 174.

нымъ законамъ Рѣчи Посполитой и что ни Россія, ни Прусскій король не могли согласиться на это нововведеніе. Канцлеръ Литовскій, разгорячившись, заявилъ послу, что Поляки властны у себя вводить учрежденія, какія имъ заблагоразсудятся. Кн. Репнинъ на это отвѣтилъ: „если они властны у себя дѣлать чтò хотять, то и мы властны то принимать, какъ мы хотимъ, и они могутъ, сей проектъ подписавъ, въ конституцію нынѣшняго сейма внести; но въ исполненіе оное конечно безъ противности нашей не приведутъ: ибо мы по сосѣдству интересованы наблюдать, чтобы форма правленія здѣшняго въ государственныхъ дѣлахъ отнюдь перемѣнена не была“. По тому-же предмету кн. Репнинъ обратился къ королю, который согласился на постановленіе созывательнаго сейма, установившаго порядокъ рѣшенія дѣлъ большинствомъ голосовъ по финансовымъ дѣламъ и уклонился отъ дальнѣйшихъ объясненій. На этой депешѣ имѣется помѣта Императрицы: „не худо насъ ищутъ обманывать, но по сему поведенію не останутся въ выйгрышѣ“.

Россія и Пруссія стояли за прежній порядокъ рѣшенія дѣлъ единогласно (*liberum veto*), такъ какъ имъ было не трудно при этомъ порядкѣ подкупить хотя бы одного посла, голосъ котораго могъ приостановить дѣйствіе всего сейма, если исходъ дѣла не соответствовалъ выгодамъ этихъ державъ, какъ напр. при обсужденіи вопроса о новыхъ налогахъ, которые предполагалось ввести для усиленія войска.

Чарторыйскіе, недовольствуясь тѣмъ, что возбуждали въ Польшѣ вражду противъ короля, подали жалобу на него гр. Панину и выражали желаніе удалиться отъ дѣлъ. Въ отвѣтъ своемъ гр. Панинъ высказалъ надежду Императрицы на ихъ содѣйствіе къ проведенію въ Польшѣ трехъ дѣлъ, которыя она признавала необходимыми для упроченія порядка, а именно заключенія союза съ Россіею, освобожденія диссидентовъ отъ угнетенія и регулированія границъ*). Кромѣ того Панинъ писалъ къ Репнину, предлагая ему сойтись съ Чарторыйскими, и оставить и содержать ихъ въ равновѣсіи съ королевскою стороною, но сказавъ имъ, что сія ихъ позиція зависѣла отъ продолжительнаго къ нимъ благоволенія Императрицы, которое они могли сохранить при своемъ содѣйствіи къ проведенію диссидентскаго дѣла. Этимъ они заслужаютъ довѣріе Императрицы, которая желала, чтобы король предпочиталъ ихъ совѣты совѣтамъ молодыхъ людей, стремившихся къ партикулярной Fortunѣ, такъ какъ ея величество видѣла въ королѣ неуемренную скоропостижность къ собственному его интересу, т. е. къ

*) Письмо Панина Чарторыйскимъ 4 Июля 1766 г., Сб. им. ист. об., 67, стр. 9.

исправленію или-же къ нѣкоторому распространенію его власти, которая хотя и клонилась къ возвышенію королевскаго званія, но будетъ только возбуждать духъ вольности и беспокоить сосѣднія державы. Поэтому Панинъ предлагалъ кн. Репнину оставить дѣла въ руководствѣ Чарторыйскихъ съ тѣмъ только, чтобъ они проявляли Императрицѣ искреннее усердіе и неложную преданность какъ по диссидентскому, такъ и по другимъ дѣламъ, важнымъ для Россіи¹⁾. Въ отвѣтъ князь Репнинъ донесъ²⁾, что содѣйствіе Чарторыйскихъ на будущемъ сеймѣ было необходимо, не потому, что можно было бы полагаться на ихъ прямодушное усердіе, а потому, что ихъ кредитъ былъ великъ и они судили здравѣе всѣхъ другихъ въ Польшѣ. При свиданіи съ Русскимъ воеводой кн. Репнинъ, говоря о диссидентскомъ дѣлѣ, сказалъ, что успѣхъ, въ немъ достигнутый черезъ посредство Чарторыйскихъ, докажетъ ихъ дѣйствительное усердіе императорскому двору и доставитъ имъ верхъ благоволенія его и довѣренности, неудача-же все разрушитъ и докажетъ ихъ нежеланіе. Русскій воевода отвѣчалъ послу общими увѣреніями въ преданности и усердіи, но за успѣхъ дѣла не ручался, отказавшись наотрѣзъ первымъ говорить объ этомъ дѣлѣ на сеймѣ. На этомъ письмѣ Екатерина помѣтила: „если они (Чарторыйскіе) дали ему (Репнину) слово, то сдержатъ его“.

По предписанію, данному ему Императрицей, князь Репнинъ долженъ былъ испросить публичную аудіенцію на сеймѣ для рекомендаціи дѣла о диссидентахъ, сказать рѣчь на Русскомъ языкѣ отъ имени ея величества и подать особую декларацію съ изложеніемъ требованій Россіи. При этомъ кн. Репнину предписывалось, если король на аудіенціи будетъ въ мантии и коронѣ, быть въ шляпѣ и снимать ее при каждомъ именованіи Императрицы и короля; если же сей государь будетъ сидѣть на тронѣ, то посолъ долженъ былъ требовать табурета, а буде сенаторы имѣютъ стулья, то кресель, а по крайней мѣрѣ стула же³⁾. Церемонія эта произошла 4 Ноября (24 Октября) въ Сенатѣ. Король въ Запискахъ своихъ повѣствуетъ, что кн. Репнинъ былъ посаженъ между королемъ и примасомъ и прочиталъ рѣчь, въ которой онъ торжественно просилъ, отъ имени Императрицы, полного уравненія православныхъ и диссидентовъ въ правахъ съ католиками⁴⁾. 9 Ноября (3 Октября) Венау столь-же торжественно просилъ о томъ-же отъ имени своего короля.

¹⁾ Письмо отъ 20 Августа 1766, тамъ же стр. 44.

²⁾ Письмо отъ 21 Августа (1 Сентября), тамъ-же стр. 100.

³⁾ Депеша Панина 26 Августа, тамъ-же стр. 94.

⁴⁾ Рукописи, IV, стр. 60.

Но еще до этой аудіенціи своего посла Екатерина не ожидала никакого успѣха отъ нея въ виду двоедушія короля Польскаго и его дядей. Ее удивляли его неблагодарность и ослѣпленіе; „она была поражена его письмами, въ которыхъ обнаруживалось такое уныніе духа, коего она никогда въ немъ не ожидала, съ такими при томъ въ его оправданіи резонами, кои вмѣсто того къ вѣщему изобличенію его двоякости, а по крайней мѣрѣ ослѣпленія или слабости его служить могутъ“. Поэтому, въ случаѣ дѣйствительной неудачи на сеймѣ по диссидентскому вопросу, Екатерина предписала кн. Репнину добиться разрыва сейма, обратиться къ соперникамъ Чарторыйскихъ и образовать конфедерацію изъ диссидентовъ¹⁾.

Не сочувствуя вовсе всѣмъ требованіямъ Екатерины и потому не намѣреваясь ихъ исполнить, не смотря на всѣ свои увѣренія, Станиславъ-Августъ, однако, не совѣстился прибѣгать къ кн. Репнину за деньгами. Еще 7-го Августа Екатерина предписала кн. Репнину не требовать отъ короля 20000 червонцевъ, которыми посолъ ссудилъ его, а записать ихъ въ расходъ секретно, не объявляя ему ничего²⁾. 19-го Сентября, въ виду крайняго недостатка средствъ короля, заявленнаго Польскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Петербургѣ гр. Ржевускимъ, гр. Панинъ поручилъ кн. Репнину выдать королю, отъ 30 до 40000 р. 26 Сентября, по ходатайству того-же Ржевускаго, кн. Репнину было приказано вручить королю еще 50000 р.³⁾.

Понятовскій имѣлъ ограниченныя средства: съ своихъ маестностей, доставшихся ему отъ родителей, онъ получалъ лишь 67399 злотыхъ Польскихъ въ годъ⁴⁾. По Запискамъ его⁵⁾, первые доходы, опредѣленные ему, какъ королю, онъ могъ получить лишь въ 1766 г.; между тѣмъ ему пришлось заводить все для своего двора, посуду, столовое бѣлье, лошадей, экипажи, ливреи и пр., и все въ долгъ. Къ довершенію несчастья, въ 1765 г. вошелъ онъ въ очень невыгодную для себя сдѣлку. На совѣтъ у него было рѣшено заключить договоръ съ Прусскимъ банкиромъ Швейгертомъ, по которому послѣдній обязался учредить въ Варшавѣ монетный дворъ для чеканки Польскихъ денегъ, чтобы не зависѣть болѣе отъ Пруссіи. Хотя на совѣтъ оба Чарторыйскихъ были согласны на заключеніе этого договора, но когда король его подписалъ въ отсутствіе канцлера князя Михаила, послѣдній, воз-

¹⁾ Рескриптъ Репнину 6 Октября 1766. Сб. имп. ист. об., 67, стр. 146.

²⁾ Сб. имп. ист. об. 67, стр. 49.

³⁾ Тамъ-же, стр. 131.

⁴⁾ Koizen, Wewnetzne dzieje polski, т. III стр. 10.

⁵⁾ Рукопись, IV, стр. 79.

вратившись изъ своихъ помѣстій, заявилъ протестъ, доказывая, что такая сдѣлка будто нарушала выгоды Польши и была опасна для отечества. Остальные члены совѣта (за исключеніемъ братьевъ короля) присоединились къ мнѣнію канцлера и потребовали отъ Станислава-Августа уничтоженія этого договора. „За всю жизнь обоихъ братьевъ Чарторыйскихъ, говоритъ король¹⁾, случилось въ первый разъ, что канцлеръ успѣлъ привести брата къ своему мнѣнію и что тотъ отказался отъ своего, и это случилось къ несчастью страны и короля“. Напрасно король опровергнулъ всѣ доводы противниковъ; они возбудили общественное мнѣніе противъ заключеннаго договора; королю говорили, что онъ губилъ государство, что нація будетъ смотрѣть на него, какъ на своего врага, если онъ не откажется отъ сдѣлки съ Швейгертомъ. Въ виду этого королю пришлось выбирать между собственнымъ его убѣжденіемъ и общественнымъ мнѣніемъ въ началѣ царствованія, когда надлежало, по необходимости, пріобрѣтать расположеніе общества. Хотя король, къ тому-же, имѣлъ основаніе думать, что сохраненіе въ силѣ договора съ Швейгертомъ вовсе не принесло-бы вреда государству, но все-таки онъ не могъ быть безошибочно увѣренъ въ томъ, что мнѣніе его собственное и только пяти или шести человекъ, разсуждавшихъ одинаково съ нимъ, было-бы вѣрнѣе и лучше сужденія многихъ лицъ всякаго состоянія цѣлой націи. По этой причинѣ король рѣшился уничтожить договоръ, но съ значительною потерей для себя, такъ какъ Швейгертъ потребовалъ 50000 дукатовъ отступного. Когда Станиславъ-Августъ замѣтилъ Русскому воеводѣ, что онъ подписалъ договоръ по его совѣту до возвращенія канцлера, то князь Августъ отвѣчалъ, что слѣдовало уничтожить договоръ, ничего не платя Швейгерту. Напрасно король доказывалъ ему, что Фридрихъ II непременно заступился бы за своего подданнаго; Русскій воевода остался глухъ ко всѣмъ объясненіямъ своего племянника. Не смотря на свое богатство, онъ не предложилъ помощи королю, который былъ въ крайне затруднительномъ положеніи. „Этимъ объясняется, говоритъ онъ въ Запискахъ²⁾, откуда возникли долги короля, такъ какъ для удовлетворенія Швейгерта ему пришлось занять денегъ. Его старшій братъ Казимиръ, Францъ Ржевускій и Ксаверій Браницкій, заложили Швейгерту всѣ свои имѣнія по Январю 1766. Княгиня Любомирская, узнавъ объ ихъ благородномъ поступкѣ, выразила Ржевускому свое крайнее удивленіе и недовольство. Она не высказалась достаточно, чтобъ судить, сожалѣлъ-ли Русскій воевода о томъ, что онъ самъ не успѣлъ

¹⁾ Рукопись, IV стр. 76.

²⁾ Тамъ-же, стр. 79.

оказать столь существенную услугу королю и даже государству, въ такую критическую минуту, вызванную самимъ Чарторыйскимъ, или ему было только жалко, что нашлось три человекъ, рѣшившихся вывести короля изъ затрудненія, и что эти три, пріобрѣтавшіе такимъ образомъ особую благодарность короля, были именно тѣ, которыхъ Русскій воевода менѣе всѣхъ любилъ во всей Польшѣ. И вѣдь дѣло шло только о ссудѣ 50000 дукатовъ, которые король возвратилъ ссудившимъ черезъ годъ.

Король въ своихъ Запискахъ замѣчаетъ*), что дѣло о диссидентахъ не было вовсе вопросомъ главнѣйше интересовавшимъ Россію и Пруссію, какъ это обнаружилось на сеймѣ 10 Ноября (31 Октября) 1766, когда кн. Репнинъ и Бенуа представили, каждый отъ себя, заявленіе одинаковаго содержанія, въ которомъ они требовали, чтобъ порядокъ единогласнаго рѣшенія былъ установленъ такимъ образомъ по всѣмъ государственнымъ дѣламъ, а именно по вопросу о введеніи новыхъ налоговъ и усиленіи войскъ.

Въ обоихъ заявленіяхъ было выражено, что всѣ благомыслившіе должны были подчиниться требованію Императрицы для того, чтобы не подвергаться пагубнымъ послѣдствіямъ, которыя неминуемо произойдутъ въ случаѣ его неисполненія. Въ ночь, наступившую послѣ того, какъ были сдѣланы означенныя заявленія, король написалъ и велѣлъ распространить анонимный манифестъ подъ заглавіемъ „Разсужденіе добраго гражданина о Русской и Прусской запискахъ поданныхъ 11 Ноября“. Въ этомъ манифестѣ Станиславъ-Августъ разъяснялъ, чего добивались сосѣднія державы: онѣ не желали допустить развитія силъ Польши; имъ было выгодно существованіе прежняго порядка, который позволялъ имъ, путемъ подкупа, вмѣшиваться во внутреннія дѣла Польши и дѣйствовать на ихъ рѣшеніе. Но сопротивляться требованіямъ могущественныхъ державъ неосторожно и неразумно. Бываютъ случаи, когда каждый обязанъ жертвовать собою ради національной чести; но стѣдуетъ-ли данный вопросъ о порядкѣ веденія дѣлъ на сеймѣ такой жертвы? Пусть каждый добрый гражданинъ дѣйствуетъ по совѣсти, памятуя, что самъ король не выскажется противъ того, кто въ этомъ случаѣ будетъ руководиться своимъ внутреннимъ внушеніемъ, такъ какъ слабость республики, въ виду большого протяженія ея границъ, очевидна и могла-бы найти противовѣсъ при сопротивленіи только въ стойкости гражданъ и въ ихъ любви къ отчизнѣ.

*) Рукопись, IV, стр. 60.

Вмѣстѣ съ тѣмъ король держалъ совѣтъ съ своими приближенными относительно того, не слѣдовало-ли установить порядокъ рѣшенія дѣлъ по большинству голосовъ на всѣхъ будущихъ сеймахъ и не надлежало-ли, наконецъ, составить такія правила о диссидентахъ, которыми умѣрялись съ одной стороны Русскія требованія, съ другой—фанатизмъ Сарматскихъ патріотовъ.

Въ это время явился на совѣщаніе канцлеръ Замойскій и сказалъ слѣдующее¹⁾: „Русская и Прусская деклараціи почти равносильны объявленію войны; вашей совѣсти придется отвѣтствовать за каждую каплю крови, которая прольется, за каждую крестьянскую хижину, которая подвергнется разоренію. У васъ не имѣется даже 18000 войскъ; они плохо вооружены, всѣ четыре гетмана въ числѣ вашихъ противниковъ, у насъ недостаетъ артиллеріи; въ настоящее время 50000 чел. Русскаго войска находятся въ Польшѣ, Пруссаки къ нимъ присоединятся немедленно, а Австрійцы не придутъ къ вамъ на помощь“. Эти слова убѣдили короля въ беспомощности отчаяннаго сопротивленія. Онъ видѣлъ, что почти всѣ знатныя семейства, составлявшія при Августѣ III-мъ обѣ враждебныя партіи, были въ настоящее время противъ него. При немъ никого почти не оставалось; въ виду этого ему и пришлось уступить.

18 Ноября Вельгорскій предложилъ на сеймѣ пагубный законъ о *liberum veto* въ томъ видѣ, какъ его желалъ кн. Репнинъ. Русскій воевода, который за всю свою жизнь никогда иначе не отстаивалъ своего мнѣнія, какъ пятью или шестью строками письма, не постыдился прочесть 22 Ноября рѣчь въ три страницы въ защиту предложеній Вельгорскаго, которое прошло единогласно.

За ихъ образъ дѣйствій на сеймѣ Чарторыйскіе получили благодарность Императрицы, выраженную въ письмѣ къ нимъ гр. Панина отъ 20 Декабря 1766 г.²⁾ Графъ Никита Ивановичъ писалъ имъ, что они съ твердостью и предусмотрительностью истинныхъ патріотовъ воспротивились нововведеніямъ, и что Императрица во всемъ похвалила ихъ, но что она очень недовольна поступками короля и его окружающихъ, а главнымъ образомъ его братьевъ, которые имъ управляли. Она видѣла во всѣхъ поступкахъ короля со дня его вступленія на престолъ лишь намѣреніе достигнуть всего, что скрывали отъ нея и уклониться отъ всего, къ чему старались притворно показать добрую волю. Этимъ она объясняла неуспѣхъ въ дѣлѣ диссидентовъ, которое

¹⁾ Рукопись, IV, стр. 65.

²⁾ Сб. имп. ист. общ., 67, стр. 228.

она рѣшила довести до конца; почему она обращалась къ нимъ, Чарторыйскимъ, какъ истиннымъ друзьямъ. Диссиденты должны были составить конфедерацію, чтобъ добиться своихъ правъ. Графъ Панинъ предлагалъ отъ имени Императрицы Чарторыйскимъ стать во главѣ этого дѣла и просилъ дать ему положительный отвѣтъ; въ случаѣ-же ихъ отказа Императрица исполнить задуманный ею планъ и безъ нихъ, не взирая ни на что, ни даже на ихъ родню.

Въ ожиданіи этого отвѣта кн. Репнину¹⁾, было предписано прискивать себѣ новыхъ ни отъ кого не зависимыхъ друзей, изъ которыхъ-бы со временемъ составила особенная партія, подъ управленіемъ тѣхъ-же Чарторыйскихъ, если они изъявятъ на это согласіе, или-же новыхъ въ свое время избранныхъ вождей для возстановленія правъ диссидентовъ.

Удостоверясь изъ отвѣта Чарторыйскихъ въ томъ, что на ихъ содѣйствіе въ диссидентскомъ дѣлѣ нечего было рассчитывать, Екатерина рескриптомъ отъ 31 Января 1767²⁾, велѣла кн. Репнину объявить диссидентамъ объ открытіи ими конфедераціи на 9 Марта, для поддержки которой двинуты въ Польшу Русскія войска. Къ назначенному сроку образовалась конфедерація изъ протестантовъ въ Торнѣ, маршаломъ которой былъ графъ фонъ-Гольцъ, и конфедерація изъ православныхъ въ Слуцкѣ подъ предводительствомъ генерала Грабовскаго. 28 Марта делегаты этихъ конфедерацій были приняты королемъ на публичной аудіенціи по настоянію кн. Репнина, который грозилъ королю, въ случаѣ отказа въ приѣмъ ихъ, гнѣвомъ Императрицы, увѣряя его вмѣстѣ съ тѣмъ, что, принимая ихъ, король могъ рассчитывать на измѣненіе, съ согласія Императрицы, закона, предложеннаго Віельгорскимъ о возстановленіи единогласнаго порядка разрѣшенія дѣлъ на сеймѣ (*liberum veto*)³⁾.

Вмѣстѣ съ тѣмъ подъ покровительствомъ кн. Репнина учредилась изъ противниковъ партіи Чарторыйскихъ католическая конфедерація въ Литвѣ и Польшѣ. Къ видамъ Императрицы былъ привлеченъ извѣстный врагъ Чарторыйскихъ Виленскій воевода князь Радзивиль, который согласился на всѣ требованія Императрицы, лишь-бы пользоваться ея покровительствомъ. Къ нему въ качествѣ пестуна былъ снаряженъ Русскимъ правительствомъ полковникъ Карръ⁴⁾.

1) Дешеша Репнину, 24 Декабря 1766 г. Сбор. имп. ист. об. 67, стр. 253.

2) Тамъ-же, стр. 303.

3) Рукопись, IV, стр. 90.

4) Карръ, какъ и Бибиговъ, долженъ былъ близко знать Поляковъ и потому, можетъ быть, ихъ и послала Екатерина усмирять Пугачевскій бунтъ, въ которомъ, конечно, принимали главное участіе Поляки. П. Б.

III.

„Съ того времени, пишетъ Станиславъ-Августъ, какъ Репнинъ, отвернувшись отъ Чарторыйскихъ, перенесъ свое благоволеніе и покровительство на Потоцкихъ и на Радзивила, онъ направилъ свои усилія къ тому, чтобы король не оказывалъ Чарторыйскимъ того вниманія, которое онъ имъ выражалъ. Это проявилось, въ особенности, въ разговорѣ, который Репнинъ имѣлъ съ королемъ 3 Мая на обѣдѣ у князя Любомирскаго. Не смотря на присутствіе обоихъ Чарторыйскихъ, Репнинъ просилъ короля переговорить съ нимъ въ отдѣльномъ кабинетѣ. Репнинъ началъ съ того, что потребовалъ отъ короля, подъ его честное слово, чтобъ онъ отнюдь не передавалъ ихъ разговора Чарторыйскимъ. Давъ это слово, король спросилъ, правда ли, что образовалась католическая конфедерація въ Литвѣ княземъ Радзивиломъ, Литовскимъ стражникомъ Поцѣмъ и Быстрицкимъ, старостой Бржестовскимъ, а въ Польшѣ Кіевскимъ воеводой Потоцкимъ, надворнымъ маршаломъ Мнишкомъ, Краковскимъ епископомъ Солтыкомъ и Каменецкимъ Красинскимъ. Репнинъ далъ утвердительный отвѣтъ. Когда-же король началъ отговаривать его отъ такого предпріятія, то онъ сталъ его увѣрять, что эта конфедерація не принесетъ никакого вреда власти короля, ни его выгодамъ, но она нужна, чтобъ приступить къ защитѣ диссидентовъ. На вопросъ короля, чего желала Императрица, Репнинъ отвѣчалъ, что она требовала полного равенства диссидентовъ, исключенія на всегда начала большинства голосовъ изъ рѣшеній дѣлъ на сеймѣ и гарантія будущей формы правленія въ Польшѣ путемъ договора. Король, признавъ откровенно, что требуемая равноправіе диссидентовъ и гарантія формы правленія будутъ имѣть самыя пагубныя послѣдствія для страны, отказался исполнить эти требованія и просилъ Репнина исходатайствовать измѣненіе ихъ; но Репнинъ ему заявилъ, что онъ ничего не достигнетъ такимъ ходатайствомъ и только навредить себѣ въ высшей мѣрѣ.

„Не смотря на все усилія короля, пишетъ онъ*), ему не удалось предотвратить Русскіе замыслы, которые осуществились благодаря Потоцкимъ въ Польшѣ и Радзивилу въ Литвѣ, а главнымъ образомъ при помощи Русскихъ войскъ, распределенныхъ по всемъ сеймикамъ. Послами, почти вездѣ, были избраны тѣ, которыхъ назначалъ Репнинъ. Ему оказали содѣйствіе коронный подскарбій Вессель и гетманы, кото-

*) Т. IV, стр. 101.

рымъ онъ обѣщаль возвратить ихъ прежнее значеніе. Общественное мнѣніе съ удивленіемъ узнало, что гетманъ Вацлавъ Ржевускій, ярый католикъ и патріотъ, принималъ участіе въ Радомской конфедераціи, созданной съ цѣлью возстановленія диссидентовъ во всѣхъ ихъ правахъ на равнѣ съ католическими и гарантіи конституціи со стороны Императрицы. Признали, что Ржевускій руководился самолюбивыми замыслами, но не могли понять, что побудило примкнуть къ той-же конфедераціи Сандомирскаго воеводу Велепольскаго. Это отмѣнно набожный человѣкъ, получившій вообще прозвище „человѣка добра“, вступилъ въ это сообщество безъ всякой личной выгоды (по крайней мѣрѣ извѣстной). Приписали этотъ поступокъ влиянію его жены, которая, уже при разсмотрѣніи Курляндскаго дѣла въ Сенатѣ, заставляла мужа подать голосъ за принца Карла, т. е. за придворную партію, отдѣлиться отъ всѣхъ его друзей, въ томъ числѣ и отъ Русскаго воеводы, который считался къ нему самымъ близкимъ. Съ того времени онъ сталъ снова его другомъ, изъ чего заключили, что Русскій воевода былъ очень доволенъ имѣть своего человѣка въ Радомской конфедераціи и что онъ, можетъ быть, съ помощью третьихъ лицъ, заставилъ Велепольскаго приступить къ ней“. Отъ конфедераціи были отправлены къ императрицѣ Екатеринѣ для выраженія благодарности стражники Литовскій Поцѣй, кухмистръ Литовскій Віельгорскій, кравчій коронный Потоцкій¹⁾ и староста Сандомирскій Оссолинскій. Послы имѣли публичную аудіенцію 18 Сентября 1767 г. въ Москвѣ. „По возвращеніи ихъ, пишетъ Станиславъ-Августъ²⁾, начальники ихъ партіи, убѣдившіеся въ томъ, что имъ не удастся свергнуть короля съ престола, значительно охладѣли въ своей преданности Россіи. Съ одной стороны они видѣли, насколько большинство націи было оскорблено въ своихъ католическихъ чувствахъ тѣмъ рабскимъ подчиненіемъ, къ которому ее готовили; съ другой стороны гетманы и подскарбіи усмотрѣли, что имъ не вернуть власти, прежде имъ принадлежавшей. Посему духъ сопротивленія видамъ Россіи и сталъ обнаруживаться во многихъ мѣстахъ болѣе или менѣе живо, смотря по свойствамъ дѣйствовавшихъ лицъ или тѣхъ, которые заставляли ихъ дѣйствовать. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ Кіевскій воевода Потоцкій, по внѣшности оставшись сторонниками Россіи, дѣйствовали тайкомъ противъ нея черезъ своихъ подчиненныхъ; другіе поступали болѣе открыто.

Краковскій епископъ Солтыкъ сильно вознегодовалъ противъ короля съ того времени, какъ сеймъ отказалъ ему въ правѣ имѣть балдахинъ

¹⁾ Графъ Іосифъ Потоцкій 1802 г., женатъ на Оссолинской.

²⁾ Стр. 103.

въ его квартирѣ. Солтыкъ приписывалъ этотъ отказъ королю, тогда какъ въ немъ былъ повиненъ примасъ Лубенскій, который увѣрялъ, что, за исключеніемъ короля, онъ одинъ въ Польшѣ долженъ былъ имѣть балдахинъ надъ своимъ сидѣніемъ. Въ виду того, что главнымъ двигателемъ у Солтыка было тщеславіе, онъ возненавидѣлъ короля и, убѣдившись въ томъ, что ему не удастся его свергнуть съ престола, такъ какъ Россія того не желала, онъ уже не сталъ различать Россіи отъ короля и вообразилъ себѣ, что причинялъ ему досаду, сдѣлавшись противникомъ Русскихъ. Бывъ на сеймѣ прошлаго года во главѣ ярыхъ враговъ диссидентовъ, онъ, этимъ путемъ, надѣялся получить званіе кардинала и уничтожить неравенство, отдѣлявшее его отъ примаса и тяжело переносимое имъ. На чрезвычайномъ сеймѣ 1767 г. кн. Радзивиль, какъ маршалъ генеральной конфедераціи, былъ маршаломъ чрезвычайнаго собранія; Быстрицкій же староста, Бржестовскій, женатый на Радзивиль, родственницѣ князя Карла, былъ маршаломъ отъ Литвы; это тотъ Бржестовскій, который на Брюловскомъ сеймѣ первый обнажилъ оружіе, а въ Вильнѣ убилъ одного изъ офицеровъ графа Флемминга. Не смотря на очень пріятную наружность, это былъ человѣкъ способный на все съ цѣлью достиженія своей выгоды и осуществленія замысловъ своей партіи. Съ его помощью Репнинъ заставлялъ дѣйствовать вѣчно выпивавшаго Радзивила. Своимъ громаднымъ ростомъ, чертами лица и обхожденіемъ, вызывавшими въ воображеніи образъ одного изъ хановъ рода Чингиса, онъ поражалъ толпу, которая преклонялась передъ его богатствами, еще очень значительными, передъ его именемъ, столь уважаемымъ въ Литвѣ искони вѣковъ. Тогда папскимъ нунціемъ въ Польшѣ былъ Дурини. Итальянецъ по рожденію, но воспитанный во Франціи, онъ не отличался примѣрнымъ личнымъ поведеніемъ и былъ отвратительной скупости; краснорѣчивый и горячій, онъ по своему званію держался въ дѣлѣ диссидентовъ взгляда противоположнаго роли Репнина и утромъ 5 Октября (24 Сентября), въ день, назначенный для открытія сейма, посѣтилъ нечаянно кн. Радзивила, къ которому обратился съ очень сильною рѣчью, на столько возбудившею многочисленныхъ слушателей, что поднялся общій крикъ, требовавшій, чтобы нунцій благословилъ, именемъ папы, рѣшенія принятыя присутствовавшими сопротивляться требованіямъ Репнина, даже подвергая жизнь опасности. Не предупрежденный во время Репнинъ прибылъ къ Радзивилу вскорѣ послѣ рѣчи нунція. При его входѣ тысяча голосовъ закричали ему, чтобъ онъ не стѣснялъ правъ и вольности сейма. Онъ хладнокровно отвѣчалъ, что вовсе не стѣснялъ сейма, а желалъ, чтобы были назначены делегаты для переговоровъ съ нимъ по извѣстнымъ предметамъ. Онъ убѣждалъ не кричать, такъ какъ въ противномъ

случаѣ онъ подыметъ крикъ громче тѣхъ, которые они слышали. При открытіи сейма Радзивиль велѣлъ прочесть проектъ акта, которымъ представлялось делегаціи право не только вести переговоры, но и кончить дѣло съ Репнинымъ по вопросу о диссидентахъ и о гарантіи.

Епископы Краковскій Солтыкъ, Холмскій—Турскій, Кіевскій—Залускій, архіепископъ Львовскій Сѣраковскій и гетманъ Ржевускій потребовали, чтобъ этотъ проектъ былъ напечатанъ и розданъ посламъ для обсужденія. Вслѣдствіе этого засѣданіе сейма было отложено, а въ это время побудили кн. Радзивила къ подкупу извѣстнаго рода подъ благовиднымъ предлогомъ его щедрости. Канцлеръ князь Чарторыйскій былъ вызванъ въ судъ конфедераціи по дѣлу, возбужденному противъ него самимъ Радзивиломъ. За отсутствіемъ канцлера, не явившагося въ судъ, состоялось противъ него заочное рѣшеніе, вслѣдствіе котораго по закону канцлеръ лишился права присутствовать на сеймѣ, а это обстоятельство его избавляло отъ необходимости участвовать въ разрѣшеніи вопроса о диссидентахъ. Между тѣмъ Радзивиль посѣтилъ съ большою свитою князя-канцлера, заявивъ ему, что онъ, для общаго блага, жертвовалъ своей выгодой, желая предать забвенію всѣ неудовольствія, существовавшія между ними, и предложилъ Чарторыйскому уничтожить заочное рѣшеніе и тѣмъ дать ему возможность участвовать на сеймѣ его мудрымъ совѣтомъ. Канцлеру пришлось принять это предложеніе и выразить Радзивилу его признательность. Въ слѣдующихъ засѣданіяхъ сейма Солтыкъ произнесъ очень пламенные рѣчи и видимо готовилъ какой-то замыселъ, который очень беспокоилъ Репнина. Тогда примасть Подоскій сказалъ ему: „если вы не арестуете Краковскаго епископа своими войсками, вы никогда не исполните того, что вамъ поручено“. По словамъ Станислава-Августа*), Подоскій, только что назначенный архіепископомъ по настоянію Репнина на мѣсто умершаго Лубенскаго, былъ человекъ умный, болѣе просвѣщенный чѣмъ прочія духовныя лица въ Польшѣ, говорившій на всѣхъ Европейскихъ языкахъ, но его нравственность не соответствовала его званію, а разнузданность доходила даже до самой явной непристойности. Онъ не особенно отличался началами честности. Онъ былъ не только орудіемъ въ рукахъ Репнина, но ближайшимъ его совѣтникомъ по его дѣламъ; онъ пользовался большими познаніями, прибрѣтенными имъ въ Польскихъ законахъ, для ихъ обхода, что представлялось особенно удобнымъ въ виду ихъ дурно перевареннаго и плохо обдуманнаго изложенія и собранія.

*) Стр. 112.

Репнинъ, чувствовалъ однако, на сколько предложеніе Подоскаго было вопіющимъ и опаснымъ, такъ какъ требовалось ни болѣе, ни менѣе какъ нарушить всякія права народовъ и на дѣлѣ дѣйствовать вопреки всѣмъ фразамъ столь многочисленныхъ декларацій и публичныхъ актовъ, которыми Императрица столько разъ завѣряла, что она уважала и готова была защищать права и свободы Польской націи вообще и каждаго изъ ея членовъ въ особенности.

Маршалъ Литовской конфедераціи Бржестовскій подалъ ему поводъ къ этому. Онъ только что былъ украшенъ Русскою голубою лентою, а какъ маршалъ Литовской конфедераціи онъ имѣлъ председательствовать на коронной, когда Радзивиль самъ устранился отъ председательствованія. Не смотря на зависимое положеніе, въ которомъ находился Радзивиль отъ лицъ его окружавшихъ, видно было, что нельзя будетъ ни въ какомъ случаѣ заставить его подписаться подъ просьбой на имя Репнина арестовать епископовъ и гетмана Ржевускаго (зятень котораго былъ Радзивиль). Бржестовскій принялъ на себя это ужасное порученіе и исполнилъ его, о чемъ стало извѣстнымъ въ обществѣ, не смотря на тайну, въ которую старались облечь его.

Онъ подписалъ, какъ будто отъ имени конфедераціи, просьбу Репнину о задержаніи этихъ четырехъ лицъ, которые и были арестованы слѣдующимъ образомъ. 13 Октября Игельстромъ (тогда еще полковникъ, прибылъ съ двумя-тремя сотнями Русскихъ солдатъ къ входу дома бывшаго маршала Мнишка), силою войдя въ покои и найдя въ нихъ епископа Солтыка, объявилъ ему, что онъ арестованъ и велѣлъ взять его подъ руки и посадить въ карету, которая отвезла его въ садъ при дворцѣ, гдѣ жилъ Репнинъ. Другой отрядъ, столь-же многочисленный, прибылъ въ домъ, въ которомъ находился гетманъ Ржевускій; по приказанію начальника отряда, его разбудили и когда онъ одѣлся, отвезли равнымъ образомъ въ тотъ же садъ вмѣстѣ съ его сыномъ Севериномъ, братъ котораго хотѣлъ было слѣдовать за нимъ, но Русскіе офицеры заставили его выйти изъ кареты, въ которую онъ уже сѣлъ вмѣстѣ съ своимъ отцомъ. Третій отрядъ, разбудивъ Кіевскаго епископа Залусскаго, отвезъ его въ тотъ-же садъ, откуда они всѣ были отправлены въ Калугу, гдѣ оставались пять лѣтъ. Залусскій былъ задержанъ по ошибкѣ: Репнинъ намѣревался схватить тогдашняго Холмскаго епископа Турскаго, считавшагося важнѣе Залусскаго, такъ какъ онъ сильно возставалъ противъ намѣреній Россіи и считался большимъ приверженцомъ Русскаго воеводы, тогда какъ Залусскій на этомъ сеймѣ прославился лишь фразой, сказанной имъ: „что панъ Кожуховскій (арестованный за рѣчь сказанную на сеймикѣ) былъ схваченъ за волосы какъ пророкъ Габарукъ, но не ангеломъ“. Это

показалось смѣшнымъ на сеймѣ, и самъ Репнинъ разсмѣялся, когда доложили ему о томъ; но разъ его схватили, Репнинъ не захотѣлъ дать новый приказъ.

На слѣдующій день, 14 Октября, Репнинъ заявилъ конфедерации, что арестованные унизили достоинство Императрицы, очернивъ чистоту ея намѣреній, совершенно дружески расположенныхъ по отношенію къ Польской націи и оберегавшихъ конфедерацию. Заявленіе кончалось увѣреніемъ, что Императрица обезпечивала за республикой всѣ ея владѣнія и ея права и за каждымъ его преимуществами, а также обязывалась исправить злоупотребленія, допущенныя, по мнѣнію Русскихъ, Польскимъ правительствомъ. Мало по малу все улеглось, и занялись удовлетвореніемъ желаній Императрицы. Примасъ Подоскій предложилъ проектъ лимитации и уполномочія для тѣхъ, которые должны были устроить новую форму правленія совмѣстно съ Репнинымъ или скорѣе подъ его диктовку. Присутствіе Русскихъ войскъ возымѣло такое дѣйствіе, что одинъ лишь Бельцкій посолъ Вишневецкій потребовалъ, чтобъ делегатамъ было предоставлено право только вести переговоры съ Репнинымъ, но ничего не заключать. Такъ какъ ни одинъ голосъ его не поддержалъ, то законъ былъ принятъ и сеймъ былъ отложенъ до 1 Февраля 1768 года. Въ теченіе этихъ трехъ мѣсяцевъ делегаты занялись составленіемъ конституціи такъ называемой 1768 г., которая заключалась въ основныхъ законахъ, въ преимуществахъ, предоставленныхъ диссидентамъ и въ гарантіи ихъ неприкосновенности. Съ 1 Февраля по 5 Марта 1768 засѣданія сейма были пустою формальностію. 27 Февраля началось чтеніе всей составленной конституціи; оно продолжалось по 5 Марта, когда Радзивиль спросилъ, одобряетъ ли ее сеймъ. По обычаю слово „згода“ было произнесено трижды пятью или шестью голосами; всѣ остальные хранили глубокое молчаніе.

Этотъ сеймъ, обыкновенно называемый Репнинскимъ, испортилъ то, что опредѣлено было сеймомъ 1764 г. Главнымъ образомъ *liberum veto*, возстановленное уже въ 1766, было подкрѣплено всей гарантіей Россіи съ той только разницей, что законъ Вельгорскаго 1766 г. ничѣмъ не ограничивалъ этого пагубнаго постановленія, тогда какъ законъ 1768 г. ограничилъ его государственными дѣлами. Но эти дѣла столь многочисленны и столь важны, что они поглощали все самое существенное въ управленіи государствомъ. Преимущества подскарбіевъ и гетмановъ не были имъ возстановлены полностью, въ томъ видѣ, въ какомъ они ими пользовались при Августѣ III, но ихъ предсѣдательскія права въ коммисіяхъ финансовой и военной были увеличены въ объемѣ далеко болѣе значительномъ, чѣмъ законы 1764 г. ихъ опредѣлили, что имѣло очень пагубное вліяніе на внутреннее управле-

ніе этихъ отраслей. Подскарбіи получили значительные оклады, большія пенсіи были ассигнованы лицамъ, принадлежавшимъ къ Саксонской партіи, которыя оказали въ этомъ году большія услуги Россіи. По требованію Русскаго правительства маршаламъ конфедераціи Радзивилу и Бржестовскому были сдѣланы громадныя пожалованія въ награду за ихъ заслуги государству. Князь Репнинъ, наградивъ всѣхъ тѣхъ, которые ему были полезны въ чемъ либо, велѣлъ записать одинъ лишній миллионъ на приходъ короля. Узнавъ о томъ, король спросилъ Репнина, на какомъ основаніи онъ это сдѣлалъ безъ его просьбы. Репнинъ въ своемъ отвѣтѣ далъ ему почувствовать, что онъ сдѣлалъ это, чтобъ утѣшить короля за всѣ тѣ непріятности, которыя причинены ему въ Радомѣ и Варшавѣ. Король ему возразилъ, что ничто не могло его утѣшить въ томъ, что *liberum veto* было утверждено. Онъ отлично понималъ, что причина этой щедрости заключалась исключительно въ желаніи увѣрить общество, что король добровольно способствовалъ всему совершенному этимъ сеймомъ; но онъ тѣмъ менѣе желалъ умноженія своихъ доходовъ, что оно показалось бы обществу и въ самомъ дѣлѣ сдѣлалось-бы лишнимъ препятствіемъ къ умноженію войскъ республики. Выслушавъ эти возраженія, Репнинъ замѣтилъ, что если король упрямствовалъ, отказываясь отъ этого подарка, ему придется раскаяться вслѣдствіе всѣхъ тѣхъ средствъ, которыя Русское правительство расточало для того, чтобы повредить королю и въ томъ, что его лично касалось, равно въ томъ, что относилось къ князьямъ Чарторыйскимъ и многимъ другимъ, которыми онъ интересовался. Когда-же король представилъ Репнину, что расходы, столь щедро имъ назначенные, далеко превышали дѣйствительные доходы, Репнинъ ограничился указаніемъ, что слѣдовало найти средства установленіемъ новыхъ налоговъ.

По разсказу Станислава-Августа *), задержаніе четырехъ членовъ сейма произведено исключительно по распоряженію Репнина. Оно немало смутило всѣхъ въ Петербургѣ. Но разъ оно совершилось, Императрица не нашла приличнымъ явно отказываться отъ того, что сдѣлалъ ея посоль. „Она, говоритъ Станиславъ-Августъ, предпочла воспользоваться послѣдствіями страха, возбужденнаго превышеніемъ ея власти, въ то время, когда всѣ Европейскіе дворы ей предоставляли полную свободу, съ трудомъ переживая ужасныя потрясенія, причиненныя Семилѣтнею войною“.

Репнинъ, по словамъ Станислава-Августа, игралъ въ Варшавѣ, во время сейма, роль тѣхъ Римскихъ пословъ, которые послѣ Пуническихъ войнъ являлись вершителями судебъ государей и народовъ въ

1) Т. IV, рукопись, стр. 150.

Азіи. Подъ вліяніемъ удачи, молодости, порывости своего нрава, лести развращенныхъ людей, которые сдѣлались орудіемъ въ его рукахъ, онъ сталъ злоупотреблять преимуществами своего оофициальнаго положенія. Иногда, по высококомѣрію, онъ обижалъ даже своихъ лучшихъ друзей, но въ корысти его упрекнуть было невозможно. Умѣя нравиться дамамъ, онъ былъ просвѣщеннѣе и во многомъ утонченнѣе большинства своихъ соотечественниковъ; какъ военный онъ уже прославился въ походахъ противъ Фридриха II, въ которыхъ онъ участвовалъ, и въ его войскахъ; какъ министръ, онъ отличился при томъ-же Прусскомъ королѣ въ послѣдній годъ Семилѣтней войны; онъ былъ любимый племянникъ графа Панина; все ему улыбалось, и за всѣмъ этимъ основной его характеръ, который былъ замѣчательно хорошій, испортился до такой степени, что нельзя было предвидѣть той удивительной перемѣны, которая произошла въ немъ двадцать лѣтъ спустя, когда, подъ вліяніемъ горя*), разсужденій, чтенія онъ не только отрекся отъ ученія вольнодумцевъ, которому онъ слѣдовалъ въ 1768 г., но сдѣлался мужемъ справедливымъ, отзывчивымъ и дѣйствительно добрымъ.

При этомъ Станиславъ-Августъ разсказалъ, что 28 лѣтъ послѣ событій этого сейма 1768 г., а именно 6 Декабря 1795 г. Репнинъ находился въ Гроднѣ у него за столомъ между его сестрою Браницкою и племянницей Мнишекъ. Случайно между ними разговоръ зашелъ о Северинѣ Ржевускомъ, и Репнинъ разсказалъ этимъ дамамъ (настолько громко, что король, сидѣвшій за три мѣста отъ него, могъ слышать) что когда Ржевускій, сдѣлавшійся съ той поры гетманомъ и пріѣзжавшій въ Петербургъ въ 1792 г. за помощью по Торговицкому предпріятію и, по его словамъ, чтобъ отомстить королю за его арестъ въ 1767 г. и ссылку (которые онъ приписывалъ Станиславу-Августу), обратился къ Императрицѣ; то она, желая избѣгнуть непріятнаго разговора, послала Ржевускаго къ нему, Репнину. Между ними произошелъ слѣдующій діалогъ: Ржевускій: „не по предложенію ли короля въ 1767 г. велѣли вы схватить меня съ тремя другими?“ Репнинъ: „Нѣтъ“. Ржевускій: „не дѣйствовали-ли вы по приказанію Императрицы?“ Репнинъ: „Нѣтъ“. Ржевускій: „Кто-же васъ побудилъ къ этому?“ Репнинъ: „Я самъ рѣшился на то“. Ржевускій: „Я теперь вижу, насколько вы человекъ откровенный“. „Это свидѣтельство, пишетъ Станиславъ-Августъ, сдѣланное совершенно неожиданно, служить новымъ доказательствомъ замѣчательно-прямого характера Репнина“.

С. Горяиновъ.

*) Смерть дочери. П. Б.